

16+

Надежда Лезина

Фантазия для голоса со слезами

Рассказы

Надежда Лезина

Фантазия для голоса со слезами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42355491

SelfPub; 2019

Аннотация

Героини рассказов – женщины. Разных возрастов. С разными судьбами. Они сомневаются, ошибаются, смеются и плачут. Они такие разные, но объединяет их одно – все они хотят быть счастливыми, любить и быть любимыми. Написать письмо с признанием и сжечь его? Пойти в ЗАГС под чужим именем? Встречаться с нелюбимым, чтобы вернуть своего единственного? Каждая ищет свой путь, у каждой своя "азбука женского счастья". И у каждой свои представления о жизни, свои фантазии.

Содержание

Без любви	5
Игра в жизнь	16
Nina Ricci	24
Шуба	28
Сладчайший	33
Ночь как ночь	43
Лиловая помада	49
Поэма о ноже	57
Я люблю тебя до слез	62
Клубника с шампанским	68
Моя Эдит	73
Я знаю	80
Пятьдесят восемь оттенков чёрного	83
Лом	85
Зануда	87
Азбука женского счастья	91
Чужая свадьба	100
Бремя желаний	112
Наливая водку в Pepsi	115
Осень	121
Октябрь. Неотправленное письмо	124
Февраль. Неотправленное письмо	129
Рогатка	133

Без любви

Традиционный вечерний набор – шампанское, бокал, сигареты, зажигалка, пепельница, ТВ-пульт. Щелкнула кнопкой. На экране Звездинский пел «Поручика Голицына». «Не па-а-дайте духа-а-а-м, па-ару-чик Га-али-цы-ы-ын..», – наливая золотистый напиток в сверкающий хрустальный фужер, подпевала с чувством. Пряди крашенных-перекрашенных волос с остатками «химии» обречённо падали на лицо. «Корне-ет Обо-ле-е-енски-ий...», – взглянула на бутылку, взяла обеими руками и с удивлением начала рассматривать этикетку. «Лев Голицынь» – чёрными буквами на золотом фоне. «Интересно... А того, в песне, как зовут?» – спросила у Звездинского, посмотрев с подозрением. Наполнила до краёв бокал: «Нале-е-ей-те вина-а-а!», – отставая от музыки почти на такт, допела уже на проигрыше. Вскинув голову, подмигнула певцу, потянулась к телевизору и на повторении припева чокнулась с экраном: «Чок, чок, каблучок...Пятачок...Дурачок... Синячок....Чок!»

Чок бежал по тропинке, как обычно, уткнувшись носом в землю и виляя хвостом, что-то выискивая и вынюхивая. Его хозяин шёл в нескольких метрах позади, курил и с видимым удовольствием смотрел на бегущего по дорожке ухоженного, чистенького, причёсанного и явно чистопородного спаниеля. Пёс выглядел не просто «породным» – по окрасу

и экстерьеру ему могли бы позавидовать «лучшие в породе», а точнее, владельцы тех, кому присваивают на собачьих выставках этот почётный титул – он выглядел интеллигентным! Видимо, стараясь соответствовать своему обожаемому хозяину. Хозяин же, – действительно, был интеллигент, как минимум в третьем поколении: дед – скульптор, имеющий собственную мастерскую на Верхней Масловке, предоставленную за «выдающийся вклад...» Союзом Художников, бабка – бывшая балерина, папа – инженер-конструктор, который, как непрменный атрибут интеллигентного человека, носил беретку и зимой, и летом, а мама даже на прогулки с собакой надевала шляпку. Внук заслуженного художника не получил высшего образования в силу своей природной лени и искренней убеждённости в том, что, какое бы образование он ни получил, ни одна работа не будет его достойна. Он разбирался неплохо в литературе, кинематографии, истории и живописи, серьёзно увлекался фотографией. Его чёрно-белые снимки были настолько выразительными, колоритными и неординарными по композиции, свету, настроению и способу предпечатной обработки, что вполне могли бы занять достойное место на какой-нибудь модной фото-выставке. Он причислял себя к богеме, а потому стиль его поведения, манеры, одежда и темы для разговоров выбирались (и были давно и хорошо усвоены) соответствующие. Всегда нарочито небрежно повязан шарф, трубка из вишнёвого дерева с дивно пахнущим табаком, слегка оттопыренный мизинец, фра-

зы типа «позвольте полюбопытствовать», «не будете ли Вы возражать», «буду признателен», «будьте любезны» и еще пара десятков подобных анахронизмов обеспечили ему особое отношение и место среди разномастной компании собаководов. Никто, кажется, и не знал его имени: приветствуя, если доводилось встретиться на «собачьей тропе», мужики молча пожимали ему руку, а за глаза все называли «Чок». Может быть, чтобы не утруждать себя запоминанием еще одного имени, хотя собак по кличкам знали всех, но чаще всего об их хозяевах говорили: «хозяин Джуса», или «хозяйка Лоты». А, может быть, «Чок» было сокращённое от «чокнутый» – ведь всерьёз его никто не воспринимал. Гулял он со своим псом чаще всего в одиночестве и участия в общих разговорах собачников и их периодических пятнично-субботних попойках на поляне не принимал...

Лаврентий Павлович шёл не спеша, важно, не глядя по сторонам, с гордо поднятой головой. Этого кавказца, имя которому при рождении дали Шелт, боялись все – и собаки, и собачники. Завидев издали громадного, лохматого серого пса, который, казалось, сам вёл на поводке своего тщедушного хозяина, старались уйти с общей прогулочной тропинки как можно быстрее, подзывали своих собак, хватали их за ошейник, пристёгивали поводок, прятались за кустами или убегали в противоположном направлении. Если же его выгуливала жена хозяина, то опасаться за жизнь своего питомца, какого бы размера и пола он ни был, причин бы-

ло гораздо больше. Во-первых, женщина была настолько миниатюрной, что поверить в то, что ей удастся, в случае чего, удержать злобного кобеля, было невозможно: восемьдесят килограммов собачьего веса против её пятидесяти! Во-вторых, она плохо видела, так как страдала близорукостью. В-третьих, она сама боялась – и чужих собак, и своего пса. По поводу приобретения этой семейкой кавказской овчарки недоумевали все: дачи у них не было, в квартире тоже богатства никакого – чего охранять? Вполне бы подошла по габаритам немецкая овчарка, или эрдельтерьер. Спокойнее было б, и экономнее...

Отношение к владельцам, да и к самому Шелту изменилось сразу после того, как вышел фильм «Небеса обетованные», где Шелта сняли в роли пса по кличке Лаврентий Павлович. Помощник режиссёра заметил невероятных размеров собаку во время прогулки с хозяйкой, которая на фоне лохматущего кобеля выглядела просто ребёнком. Ну, а пёс, соответственно, на её фоне – громадиной неправдоподобной! Удивительно, что во время проб и съёмок злодей никого не покусал! Хозяева гордились «талантом» любимого Шелта, а сам он стал местной достопримечательностью: весь район знал о его кинематографических успехах, и называть его стали не иначе, как Лаврентий Павлович. Однако, известность не отразилась на собачьем характере, и, вернувшись со съёмочной площадки на собачью, он по-прежнему демонстрировал своё превосходство и нежелание мирно общаться с со-

племенниками...

Шелт и Чок со своими хозяевами шли навстречу друг другу, приближаясь с разных сторон к собачьей площадке – полянке на пустыре, где каждый вечер собиралась большая компания местных собачников. «Временщики» – так называли тех, кто выходил на прогулку сразу после того, как начиналась программа «Время» – только что вышли, закурили, травили анекдоты и время от времени посматривали на своих питомцев, резвящихся неподалёку. Те, кто вышел раньше, ещё не ушли, решив принять участие в общем разговоре. Собралось человек пятнадцать. Собачья компания, состоящая в основном из крупных собак – догов, ризеншнауцеров, сенбернаров и немецких овчарок, носилась по поляне с лаем, беззлобным рыком и весёлым визгом.

Шелт появился неожиданно для всех. Его хозяин издали поприветствовал собравшихся, взял собаку за ошейник и, подождав, пока самые пугливые заберут своих любимцев, подошёл к мужчинам. Женщины предусмотрительно отошли в сторону. Кобель, как ни странно, был в этот вечер настроен весьма миролюбиво: не рычал, не пытался вырваться, и даже не обратил внимания на подбежавшего спаниеля. Его хозяин подошёл через минуту и сразу же увидел сидящего Шелта и суемящегося вокруг него Чока. Предчувствуя опасность, он быстро наклонился и взял своего пёсика на руки. В ту же секунду Шелт метнулся и, впившись зубами в спину Чока, выдернул его из хозяйских рук. Реакция хозяина спа-

ниеля была мгновенной – он обхватил шею кавказца, навалился на него сверху и начал душить, надеясь на то, что тот выпустит его собаку. Увидев это, хозяин Шелта набросился на «душителя» и попытался оттащить его от своего пса. Крики, рык, кровь, мат! Все, находившиеся рядом, буквально оцепенели – клубок из двух собак и двух мужиков перемещался по поляне, и невозможно было подступиться, чтобы чем-то помочь. Казалось, этой схватке не будет конца. На самом деле, всё продолжалось не более трёх минут. Кавказец отпустил Чока, его тут же подхватил на руки перепачканный кровью и землёй хозяин. Шелт стоял со своим и периодически потряхивал мордой. Самым пострадавшим в итоге оказался именно хозяин Шелта, которого его же пёс, не разобравшись сгоряча, кто – где, укусил за плечо. Кровь хлестала так, что кому-то пришлось порвать собственную рубашку и перевязать рану. Здоровой рукой хозяин взял своего кино-героя за ошейник и, прихрамывая, повёл домой.

Чок, как ни странно, отделался лишь небольшими ранками на спине. Его хозяйина, как героя, приветствовала вся компания. Подбежали женщины – сочувственно осматривали дрожащего от пережитого ужаса спаниельку и покусанные руки его хозяйина. Среди этих сердобольных была и она. Наблюдая сцену сражения издали, она как будто впервые увидела его – довольно высокого, стройного, кудрявого интеллигентного парня. Его обычная бледность сейчас выглядела нездоровой – ещё бы! пережить такое! Она, гуляя со своей

собакой, много раз встречала на тропинке эту дружную парочку – не заметить, как пёс предан своему хозяину, и как хозяин самозабвенно любит это весёлое вислоухое создание, было невозможно! А теперь в её глазах он стал ещё и героем!

Уже совсем стемнело. Народ, продолжая бурно обсуждать происшествие, стал расходиться по домам. Чок с хозяином жили неподалёку от её дома, и в этот вечер, как иногда уже бывало, они возвращались с прогулки вместе...

«Я буду называть тебя «Зая», – вдруг сказал он. Зая... Так легко и просто было сказано – «называть – тебя – «Зая»... Нежно, пусть немного банально, но никто раньше так её не называл! Короткое и обволакивающее, будто обнимающее, имя... Зая. Заинька... Ну а он, естественно, Волк! Волчище. Сильный и смелый Волчара!...

...Они стали встречаться каждый день. Утром, перед работой, она забежала к нему на чашку ароматного свежесмолотого и сваренного в турке, по всем правилам, кофе. Он сиделся напротив, смотрел на неё молча и улыбался. Выкурив после кофе по сигарете, они прощались, целовались у лифта, и вечером встречались снова – на прогулке с собаками...

День за днём: утром – кофе, вечером – прогулка. И бесконечные разговоры о книгах, о музыке, о театре и кино, об искусстве фотографии, прерываясь всё чаще на поцелуи и признания: Зая – самая лучшая, самая красивая, самая умная, самая стильная, самая сексуальная, самая весёлая... И Волчище – никогда свою Заяю не обидит, не предаст, не разлю-

бит. Много смеялись, поддразнивали друг друга, пели песни – бардов, эмигрантов и запрещённых в своё время, «отсидевших» Звездинского, Новикова и прочих. Любимую – «Поручик Голицын» – пели чаще всего, с нескрываемым удовольствием, жестикулируя, выпевали куплеты тёплыми летними вечерами...

Они договорились встретиться после её занятий на курсах итальянского языка, часов в девять вечера. Она вышла из здания на десять минут позже. Шёл проливной дождь. Зонта нет. Очумевшие струи затекают за шиворот, заливают глаза. Босоножки уже не ощущаются на ногах. Терпеливо прождав его полчаса на автобусной остановке, она попыталась поймать такси – бесполезно! Решила позвонить – вдруг что-то случилось?! За время бесконечного ожидания – десять гудков! – передумала всё: разминулись, потерял записку с адресом, обиделся, разлюбил... Вдруг – уже не ожидаемый и какой-то незнакомый голос:

– Алло...

– Ты где?

– Дома.

– Что случилось?

– Приезжай, мне плохо... Дверь не заперта...

Через 40 минут она, не дожидаясь лифта, взбегает на девятый этаж, видит приоткрытую на лестничную клетку дверь: в комнате темно, свет горит только в кухне. Тишина такая, что звенит в ушах! Трудно поверить, что в квартире

кто-то есть... Он лежал на диване, скрючившись, и не подавал признаков жизни. Ей стало так страшно, что невозможно было сделать и шага! Окно было закрыто, и запах в комнате стоял какой-то странный. Сразу стало душно, по спине, еще мокрой от дождя, побежали струйки пота. С трудом преодолевая расстояние в несколько метров, ступая на цыпочках, она подошла к дивану. Он лежал с открытыми глазами и еле слышно дышал...

– Что с тобой? – спросила шёпотом.

– Я не хочу жить...

– Что случилось?!

– Ты меня не любишь...

– Кто тебе это сказал?!

– Я это чувствую...

«Господи, что я делаю, зачем мне это нужно? – пронеслось в мыслях, – Я же замужем, у меня ребёнок! Ну и что, что отношения с мужем давно испортились, но у нас же семья! Должна быть... Да, мне было с ним интересно – он меня слушал, понимал, интересовался моими делами, говорил комплименты, дарил цветы, готовил кофе по утрам, встречал после работы на автобусной остановке, приносил книги ребёнку – ну и что?! Это совсем не значит, что я должна почти в полночь сидеть с мнительным, хандрящим, жалким и абсолютно пьяным или обдолбанным мужиком, утешать его и убеждать в том, что я его люблю!!! Да не люблю я его! И не любила никогда!» Но вслух повторила:

– Кто тебе это сказал?

Вдруг он поднялся, огляделся, как будто видел свою комнату впервые, и резко ударил локтем по висевшей в рамке над диваном собственной фотографии. Осколки стекла посыпались на диван, по руке потекла кровь. Он посмотрел на окровавленный локоть, усмехнулся и пошёл к окну. Около окна висела ещё одна фотография – осенний пейзаж: яблоня почти без листьев, несколько яблок на ветвях, вдалеке лес, полуразвалившийся домик. Он ударил головой по стеклу, поранил лоб. Потом, с треском распахнув раму, с неожиданной для его состояния прытью, вскочил на подоконник и попытался прыгнуть вниз. Откуда у неё появились силы, чтобы удержать его – не понятно. Но она его удержала. Она кричала, просила, умоляла, убеждала и обещала, что «всё будет хорошо»! Он вырывался, выдёргивал руки из её рук, отмахивался, рыдал, слёзы смешивались с кровью на щеке. Он сопротивлялся до тех пор, пока не выбился из сил и не рухнул на пол почти без чувств... Почти без чувств была и она. Пусто в голове. Пусто в сердце. Никаких мыслей... Закрыла окно. Укрыла его, уже спящего на полу, одеялом, захлопнула входную дверь и медленно пошла вниз по лестнице...

День, месяц, год – без любви. Сердце скукожилось, душа высохла, чувства выхолощены... Вся – стерильная, пустая, свободная... Как цветочная ваза с застаревшим, присохшим на стенках осадком от роскошного когда-то букета... День

без любви – год, вычеркнутый из жизни... Экономия сил, средств и чувств: автобус – даже если ехать одну остановку, смс – без заглавных букв и знаков препинания, чай – в пакетах, лицо – без макияжа, улыбка – дежурная...

Наклонилась над столом, потянувшись за сигаретой. Мелодично звякнул о край бокала кулон. О! – ещё один предмет для ломбарда! И цепочка... Простое плетение, сложная взаимосвязь... Цепочка дней, ночей, воспоминаний, ассоциаций. От первого звена к последнему – всё связано, выстроено, соединено замочком. Звенья можно перебирать как чётки, произнося молитвы-заклинания-заговоры, шептать и кричать, смеяться и рыдать. Твой подарок – моё отречение. Моё отчаяние. Моё облегчение...

Зазолотятся звенья пузырьками в очередных «Львах Голицыных» и «Корнетах», волшебным градусом заиграют в «Игрисом», порадуют глаз в «Золотой коллекции», затуманят голову «Советским», всплывая, развеют тоску «Надеждой», околдуют «Mondoro» и испарятся из памяти...

«Сколько там у нас осталось?»...

Игра в жизнь

Телефонный звонок раздался в четыре часа дня.

– Ну что, тебя уже можно поздравлять? Родился? – голос бывшей жены был как всегда бодр и энергичен.

Николай, ругнувшись одними губами, вяло ответил:

– Да вроде как родился, поздравляй.

Из трубки полилась длинная поздравительная речь с огромным количеством пожеланий абсолютно невыполнимых вещей – здоровья, хорошего настроения, найти хорошую работу, много денег и ещё чего-то, в таком же духе. Терпеливо выслушав жену, Николай вдруг зашмыгал носом и робко, как-то по-бабьи, произнёс:

– А дата-то какая! Пятьдесят! Мне даже страшно! – голос его сорвался.

– Да ладно тебе! Мне тоже через два года полтинник стукнет. И что? Жизнь не заканчивается. Меньше спать, меньше пить, меньше курить и, знаешь, сколько ещё можно всего успеть?!

Здоровый оптимизм бывшей не радовал. Наоборот, настроение ухудшилось, и он поспешил попрощаться.

Положив трубку, сел на кровати, нащупал ногами тапочки, откинул с лица длинные, спутавшиеся волосы и обвёл глазами свою небольшую комнату. Она досталась ему после развода и размена их «двушки». За два года, что он жил

здесь, он сумел превратить квартиру из хоть и небольшой, но уютной, в захламлённую, почти под потолок заваленную разнокалиберными коробками и коробочками – не то сарай, не то гараж, не то бомжатник. Чего там только не было! Провода, старые автомобильные шины, сломанные настольные лампы, пустые банки и бутылки, пакеты из-под молока и соков, рваные целлофановые пакеты, грязная одежда, доски, кирпичи. Всё это «богатство» висело на вбитых прямо в стены и дверные косяки гвоздях, на натянутых из угла в угол бельевых верёвках, лежало в коробках, высыпалось из них, и так и оставалось не убраным. Стены украшали разного размера листки и листочки с номерами телефонов и адресами магазинов, аптек, поликлиники, РЭУ, автосервиса, друзей и случайных знакомых. Листочки эти крепились прямо к обоям скотчем, кнопками или попросту жвачкой. Дневной свет из единственного окна почти не проникал в комнату – оно было заклеено газетами (видимо, жалюзи, висевшие на окне на момент покупки этой квартиры, показались будущему хозяину ненужной роскошью). Поэтому не понятно было, какое в настоящий момент время суток – то ли утро, то ли вечер. Будильник давно сломался, да и спешить ему было некуда: работы не было, а круглосуточный магазин, в случае чего, находился в ста метрах от дома.

Николай не спеша поднялся, шаркая по давно не мытому полу, прошёл на кухню, включил чайник и стал одеваться. Выпив кружку дешёвого растворимого кофе, закурил и

потянулся к мобильнику. Его Nokia, купленная на последнюю зарплату, мигала «конвертиком», сообщая о пришедшем смс: «Привет, мой хороший! Поздравляю с ДР! Хоть 40 лет и не отмечают, но я всё же выпью бокал шампанского за твоё здоровье после работы. Обнимаю!»

Николай улыбнулся и закурил следующую сигарету...

Несколько месяцев назад друг посоветовал ему познакомиться с какой-нибудь женщиной: «Ну, сколько можно холостяковать? Десять лет уже без жены! Найди кого-нибудь, всё веселее будет жить! И по хозяйству с женщиной проще управляться будет, и приготовит она тебе, и стирает, ну, и для здоровья, опять же...» Николай не сразу отреагировал на призывы друга – любое усилие, которое необходимо было сделать над собой, изначально вызывало у него чувство протеста и тоски. Да и где знакомиться? В винном отделе? На заправке? Но однажды, случайно узнав о службе знакомств через смс, он решил испробовать этот, самый для себя «ненапряжный», вариант. Отправил запрос с текстом: «Мужчина без вредных привычек познакомится с девушкой от 25 до 30 лет для серьёзных отношений». В течение часа ему было прислано несколько вариантов встречных объявлений, из которых он решил выбрать только одно, чтобы не дай Бог, не запутаться. Одна кандидатура была отмечена сразу – девушка была из Иваново, да ещё с двумя детьми. Какая уж тут могла быть помощь по хозяйству? Вторая была хоть и свободной москвичкой, но носила очки. А к очкарикам Ни-

колай относился необъяснимо-настороженно. Третье объявление показалось ему оригинальным и многообещающим, и сподвигло его к решению выбрать именно эту незнакомку: «Рыжая симпатичная колдунья станет в добрых руках мужчины до сорока лет волшебницей». Получив у оператора её личный код (телефонные номера эта служба не предоставляла), он отправил ей первое смс: «Здравствуйте, Рыжая колдунья! Надеюсь на Ваше доброе расположение духа сегодня и предлагаю познакомиться. Мне 39 лет, разведён, добрый, отзывчивый, творческой профессии, с чувством юмора». Он закурил, налил ещё кофе и, неотрывно глядя на дисплей телефона, стал ждать ответа. Смс пришло довольно скоро: «Привет! Меня зовут Валерия. А Вас?»

Весь остаток дня они переписывались, пытаясь узнать друг о друге как можно больше: рост, вес, цвет глаз и волос, привычки, интересы. Слова перемежались огромным количеством смайликов, вопросительных и восклицательных знаков. Валерия сообщила о себе, что ей 24 года, у неё длинные вьющиеся волосы и зелёные глаза, что она работает в школе, преподаёт английский и французский языки, играет на гитаре и рисует в свободное время. Любит кино, современную литературу и клубничное мороженое. Замужем не была, был парень, с которым она встречалась с восьмого класса, они мечтали пожениться, но три года назад он погиб – попал в ДТП. С тех пор она ненавидит автомобили и не ездит даже на такси.

Информация, обрушившаяся на Николая, и явный интерес к виртуальной собеседнице, немного встряхнули его и даже заставили чаще выходить из дома – чтобы положить деньги на телефон. Переписка с Валерией обернулась для него бессонными ночами и дополнительными литрами спиртного, которое, как ему казалось, стимулировало его красноречие и фантазию. И то и другое было ему необходимо, так как последние несколько лет круг его общения ограничивался тремя-четырьмя друзьями и автослесарем, который постоянно ремонтировал его старенький автомобиль. И хотя любимый BMW Николая больше стоял, чем ездил, он относился к нему очень трепетно и мог рассказывать о нём часами. И даже несмотря на нелюбовь Валерии к машинам, он регулярно писал ей про свой «Бумер», начиная с истории его покупки и заканчивая постоянной проблемой с бензонасосом, а также заверял, что когда они встретятся и она сядет рядом с ним в его авто, ей будет совсем не страшно.

Шли недели. Написание и ожидание смс настолько захватило Николая, что он практически перестал звонить друзьям и матери, не говоря уже о бывшей жене, с которой до этого знакомства созванивался регулярно.

– Лерочка, я проснулся. Ты где?

– Наконец-то! Вообще уже пятый час)). Я вернулась с работы, готовлю ужин.

– А что готовишь? В гости можно?

– Пытаюсь изобразить блинчики с мясом и овощной са-

лат. А на сладкое мороженое)) Ты хочешь в гости? Милости просим))

– Ух ты-ы-ы-ы! Аж слюнки потекли! Но, к сожалению, в гости сегодня не успею. Надо бежать на репетицию.

– У вас скоро концерт?

– Ну да, я же говорил тебе, в Рузе. А ты что будешь делать вечером?

– Проверю тетради, потом что-нибудь почитаю. Ну, давай, пока, а то блин сгорит))

– Пока, Рыжая! Обнимаю!

Отключив телефон, Николай шёл на кухню, доставал из холодильника бутылку «Русского стандарта», наливал рюмку и выпивал. Вместо закуски делал глоток воды, брал сигарету, включал телевизор и ложился на кровать. Спустя час всё повторялось.

Через три месяца в текстах смс как-то само собой появилось новое слово – «целую». Предложения приехать к Валерии в гости постоянно повторялись, но, как всегда, «репетиции» или «концерт» мешали осуществлению планов. Тогда Николай придумал игру: как будто они живут вместе, но работа в разное время не даёт им возможности видеться.

– Лерик, ты, когда придёшь с работы – загляни в морозильник, я купил твоё любимое мороженое. Свою порцию я уже съел и умчался на работу. Целую. Твой Ник.

– О, дорогой, тронута твоей заботой! Когда вернёшься? Наверное, я не дождусь тебя, лягу спать. Так что заранее го-

ворю – спокойной ночи!

Валерия охотно включилась в эту игру и, порой, своими посланиями ставила Николая в тупик:

– Дорогой, я купила новое платье. Пришлось занять деньги. Ты не мог бы мне немного помочь финансово? Можешь перевести на карту. Платье дорогое, конечно, но безумно красивое! Тебе понравится. Думаю, что в ресторан с тобой я пойду именно в нём.)) Ты ведь пригласишь меня в ближайшее время? Ты обещал.

– Лерусь, ты серьёзно? Я не пойму!

– Ну во-о-от! Взял и всё испортил...

– Ты даё-ё-ёшь!!! А знаешь, я придумал тебе новое имя – Ри. Как тебе?

– Ри? Почему так?

– ВалеРИя – ВалеРИ – РИ.

– А что? – здОрово! Я согласна! А ты останешься Ником. Просто – Ник. Хотя, конечно, двусмысленно, да? Ник – это как псевдоним. А, может быть, «Николай» – это твой ник?))

– Нет, Ри, это моё настоящее имя.

Ежедневная переписка уводила Николая всё дальше от реальности. За туманом выпитого в перерывах между смс, он совершенно потерял ориентацию и во времени, и в днях недели. И только сейчас, после поздравления с Днём рождения, сообразил, какое сегодня число...

... Чёрным квадратом давило окно. Николай сидел без света, только экран телевизора освещал белесо-голубым цветом

угол комнаты, где стояла кровать. Рядом, на журнальном столике стояла рюмка, недопитая бутылка «Русского стандарта», дымился в пепельнице не затушенный окурок. Щёлкнув пультом, он, не раздеваясь, лёг. Голова кружилась от выпитого, от духоты и от навалившейся темноты. «Пора спать», – подумал, положил под подушку мобильник и очень скоро заснул...

...На первом этаже обветшалой пятиэтажки в Волгограде, в инвалидном кресле сидела седая, бледная, с морщинистым лицом шестидесятисемилетняя женщина и изуродованными давним артритом пальцами набирала смс – «Спокойной ночи, Ник! Целую».

Nina Ricci

За несколько дней до наступления любимого весеннего праздника женщин – Восьмого марта – Инна решила сделать в квартире генеральную уборку. За семь лет супружеской жизни все её действия и их последовательность были тщательно отработаны и доведены почти до автоматизма. Окна, кафель, плита, полы, ковры, мебель, разнообразные аэрозоли, жидкости и пасты, полироль... Всё делалось с лёгкостью и даже с каким-то азартом. Завершающим этапом всего процесса, как обычно, было любимое пианино. Пыли на нём не было, так как Инна вытирала её ежедневно, перед тем как садилась за инструмент сама или занималась с маленьким сыном. В этот раз она решила протереть пыль за нижней доской, закрывающей деку. Отжав планку, вынула доску и обнаружила за ней свёрток. Через несколько слоёв газеты прощупывалось что-то твёрдое. Инна развернула газету и увидела две коробочки духов Nina Ricci. Первое чувство радости – вот какой шикарный подарок получит она на праздник! – сменилось смущением от того, что случайно «рассекретила» тайник мужа и теперь придётся изображать удивление – «неужели это мне?!» Она быстро завернула коробочки и положила их на место. И тут другая мысль, от которой у неё буквально подкосились ноги и задрожали руки, заставила её вновь взять свёрток: «А кому же вторые духи?» Инна села на

диван и попыталась успокоиться: «Может быть, маме? Она собиралась к нам в гости восьмого». Но её любимый Толик прекрасно знал, какие духи любит тёща. О том, что у мужа появилась любовница – а кому же ещё можно дарить такие подарки! – она боялась даже подумать. Однако, эта мысль казалась ей всё более реальной и убедительной. Сердце колотилось со страшной силой, слёзы капали на газету, в голове молотом стучало: «Любовница! У него есть любовница! И как он только посмел купить ей и мне одинаковые подарки!»

Женщина долго сидела неподвижно, глядя на свою находку. Наконец, она встала и решительным шагом направилась в спальню: «Ну, ладно! Получит она у меня духи!» Через несколько минут Инна вернулась с двумя флаконами. Один был пустой, из-под закончившихся недавно духов «Может быть», второй – начатый недавно одеколон «Шипр», которым её муж пользовался для протирки каких-то деталей. Ножом она аккуратно вскрыла целлофановую упаковку, достала духи и с помощью сломанной спички перелила их в пустой флакон. Затем таким же способом налила в освободившийся флакончик из-под Nina Ricci одеколон, вложила в коробку, запечатала целлофан, завернула обе коробки в газету, положила на место и вставила доску. Абсолютно довольная результатом, даже напевая что-то, отнесла в спальню «францию» в польском пузырьке и поставила на тумбочку. «Если повезёт, восьмого у меня будет в два раза больше Nina Ricci!», – произнесла со вздохом и отправилась в магазин.

Вечером Инна встретила мужа спокойно, с улыбкой. Но, подставляя щёку для поцелуя, принялась – нет ли чужого запаха? Нет, Толик благоухал своим любимым Fahrenheit.

Все оставшиеся до праздника дни она прислушивалась к телефонным разговорам мужа, пристально наблюдала за его поведением, с особой тщательностью осматривала рубашки, выискивая доказательства своих подозрений, ежедневно после его ухода на работу проверяла – на месте ли свёрток.. Но свёрток лежал там же, звонки были от друзей, муж вёл себя обычно, следов от губной помады на рубашках не обнаруживалось, да и ночами ей не приходилось скучать.

Женский праздник для Инны начался рано утром. Толик разбудил жену нежным поцелуем и с гордостью преподнёс жёлтую коробочку, которая тотчас же, с нарочито выраженным восторгом, была Инной распечатана. В подаренном ей флаконе оказались духи! «Если завтра второй коробки не будет на месте, значит, есть любовница!» Однако и на следующий день, и через день, и через неделю вторые «духи» по-прежнему находились в недрах пианино. А Инна по-прежнему принималась, присматривалась, прислушивалась...

Через две недели у Инны был день рождения. С раннего утра она хлопотала у плиты, жарила, резала, смешивала, украшала, накрывала стол в ожидании гостей. Муж пришёл с работы раньше обычного – удалось в честь дня рождения жены договориться с начальством. С порога – вручил букет гвоздик, прошёл в комнату и через минуту вышел, дер-

жа в руке... жёлтую коробочку Nina Ricci: «Вот, поздравляю! Ходи душистой!» – улыбнулся. Инна настолько растерялась, что не знала что и сказать: «А-а.. ты же недавно.. уже дарил мне такие... » – «Ну так пусть будут! Про запас. Ты же знаешь, у меня нет времени по магазинам бегать, в очередях стоять. А тут нам на работу принесли несколько коробок, вот я и взял сразу две.. », – начал было объяснять Толик, но в этот момент Инна повисла у него на шее и заплакала: «Как же я тебя люблю!»

Шуба

– И-ир? Привет. Шубу продаю. Норка, не дорого. Наш размер. Тебе не предлагаю, знаю – не разбогатела ещё. Может быть, спросишь там у себя на работе? Ты в доле.

Ленка в свойственной ей телеграфно-деловой манере вывалила информацию и, казалось, даже не ждала ответа.

– Лен, какая шуба?! Весна через месяц! И вообще, я ещё сплю. Давай попозже.

Ирина шмякнула трубку городского телефона на тумбочку и, завернувшись поудобнее в одеяло, отвернулась к стенке и закрыла глаза. «Чёрт, будильник ещё не прозвонил, а ей не спится!» – подумала с раздражением. Поняв, что заснуть уже не получится, встала и, накинув тёплый махровый халат, с полузакрытыми глазами поплелась на кухню. Включила чайник, телевизор, компьютер, поставила на зарядку мобильник и пошла в ванную...

С Леной они познакомились случайно. Ветеринарша, лечившая на дому Ирину собаку, предложила однажды съездить к её давней знакомой, которая регулярно возила и продавала одежду из Европы. Тогда, после глобального исчезновения «комиссионки» в годы перестройки, только начали появляться магазинчики «Second Hand», заваленные в основном второсортными товарами из Польши. Поэтому место, где продавались вещи, привезённые из Швеции, Англии

и Германии, которые, к тому же, можно было рассмотреть и померить в домашней обстановке – не спеша, с чувством, с кайфом покрутиться перед огромным зеркалом, а потом на кухне с удовольствием попить чай-кофе, а иногда и кое-что покрепче, конечно же, притягивало огромное количество желающих. Да и цены там были вполне щадящие. Но главное, что привлекало покупательниц, а это, конечно же, были женщины разных возрастов и комплекций, так это – хозяйка дома, Лена – общительная, гостеприимная хохотушка, принимавшая живейшее участие в этом примерочном ажиотаже. Обладая завидной интуицией и умением оценить не только размер кошелька и социальный статус любительниц эксклюзивной одежды, но и их человеческие качества, она постепенно оставила в списке своих «постоянных покупательниц» человек двадцать, но одновременно собирала в своей небольшой квартирке не более пяти женщин. Так и общаться проще, и советами друг друга не замучают, из-за размера не повздорят, да и за кухонным столом разместиться смогут. Лена по специальности была дизайнером одежды, когда-то работала в ателье, шила на заказ навороченные модели, но потом решила, что пора открывать своё дело. «Челночила», как многие в то время, сдавала на реализацию польский трикотаж. Зарабатывала. Но вскоре клетчатые «сумки-нищенки» настолько надоели, что она решила нанять на работу людей, которые бы ездили в Европу и привозили ей прямо домой одежду, купленную там на распродажах. Все

товары были отличного качества, аккуратно уложены в коробки или мешки, и, что особенно ценно – ещё не вышли из моды. Так что купить недорогую, модную вещь, пусть даже на один сезон, позволить себе могли почти все её клиентки. Некоторым, давнишним знакомым, она иногда давала рассрочку. Единственно, что не разрешала – менять вещи или возвращать.

Лену любили все. К ней ехали как на праздник. С ней можно было просто поговорить – обсудить что-то, пожаловаться на жизнь, на мужа. А поводом и «провокатором» подобных жалоб был Вася, с которым Лена жила вот уже несколько лет и всё никак не решалась зарегистрировать брак. Вася вызывал восхищение и зависть всех женщин, кто хоть раз побывал в их доме. Имя Васи, упоминалось в разговорах всякий раз, с трепетом в голосе, когда речь заходила о «козлах-мужьях» и когда надо было сравнить или сделать вывод – «Это ж не твой Вася!». Ленка кокетливо хихикала, говорила, что «это он только при вас такой, на самом деле такой же лодырь и неряха, как и все мужики; зарабатывает мало, то телевизор часами смотрит, то с компьютером в преферанс играет, и вообще – толку от него никакого!». Но все-то видели совсем другого Васю! Васю, который встречал каждую пришедшую женщину с улыбкой, Васю, который называл Лену только «Леночкой» и «Ленусиком», Васю, спрашивающего каждую даму, даже ту, которую он видел в первый раз, что ей приготовить – кофе или чай? Крепкий? Слад-

кий? С лимоном? Вася бегал в магазин по нескольку раз за вечер, так как Лена могла, увлекшись тряпочными вопросами забыть, что дома нет то хлеба, то сахара. То посылала за шампанским, на радостях, если было куплено много товара и возбуждённые покупательницы никак не могли уйти, и, не переставая, обсуждали приобретённые обновки, советовались – что и с чем лучше носить. Вася реагировал на любую прихоть, любой каприз «любимого Ленусика». Ленкины подружки и клиентки призывали Васю, когда нужно было померить мужской свитер пятидесятого размера: его просили повернуться, поднять руки, похлопывали по накачанной спине и удовлетворённо улыбались, представляя в этом свитере кто сына, кто брата, кто – мужа. И были уверены, что свитер этот будет сидеть на них так же ладно и складно.

Однажды Ирина заехала к Лене покопаться в очередной порции товара и с удивлением обнаружила на комодке свадебную фотографию в красивой рамке. Ленка в шикарном кремовом платье с длинными, широкими гофрированными рукавами выглядела как райская птица! Копна рыжих вьющихся волос была украшена белой розой. (Она вообще обожала розы – её гордостью была розовая аллея на даче из ста двадцати кустов. И все эти кусты покупал, перевозил, подрезал и поливал Вася.) На фото Вася в строгом чёрном костюме выглядел таким счастливым, каким может выглядеть только любящий и любимый человек. И, глядя на эту пару, хотелось улыбаться и верить в то, что такими они будут всегда.

– Ле-на! Поздравляю! Как здорово! Я так рада за вас! – Ирина аж запрыгала на месте. – С меня подарок!

– Ну да, спасибо. Вот, решилась через восемь лет, – немного смутившись сказала Ленка. – Да не надо подарков, всё у нас есть. А сувенирами только квартиру захламлять, и так тесно. Если деньги лишние есть – себе лучше что-нибудь купи...

... Ирина наслаждалась, стоя под струйками тёплого душа, и размышляла о том, что же заставило Лену позвонить ей в такую рань, и почему она заговорила о шубе. «Халат, кстати, тоже от неё. Спасибо, что уговорила купить тогда, а то я всё сомневалась – велик, не велик? Не велик! Тепло и уютно», – сама с собой разговаривая, заварила кофе и потянулась к телефону.

– Лен, я проснулась. Что ты там про шубу говорила? Почему продаёшь?

Ленка молчала.

– Эй, ты слышишь меня?

– Ириш, ты помнишь, Вася говорил мне, какая я красивая в этой шубе? Как он радовался, когда я её купила!... Теперь я не могу на неё смотреть. Мне больше никто не скажет, какая я... красивая... в этой шубе... Вася умер...

Сладчайший

Митя Сладких был в 80-е годы весьма известной личностью среди московских ресторанных музыкантов. Приехал в столицу из небольшого украинского городка, и каким-то непостижимым для многих образом довольно скоро попал на одну из самых в то время денежных работ – устроился музыкантом в ресторан. И в скором времени слава о «новом» гитаристе распространилась по всей Москве. Его наперебой приглашали не только руководители музыкальных коллективов, но и сами директора ресторанов не считали для себя зазорным предложить ему работу.

Музыкант-самоучка, не зная даже нотной грамоты, он с детства по слуху подбирал на полуразбитой гитаре, обклеенной переводными картинками с изображением красавиц, аккорды – да и какие там могли быть особенно сложные аккорды в «подъездных» песнях? – все в ми миноре, плюс «барре» в левой руке, «восьмёрка», «бой» или «переборы» – в правой. Среди местных пацанов Митя пользовался особым уважением, а для девчонок парень с гитарой был поводом для разборок и ревности.

Отучившись в местной школе положенные десять лет и честно отслужив два года в рядах Советской Армии, Митя, едва ли не в первый же месяц после возвращения домой, прихватив гитару – уже новую, подаренную отцом с матерью

по случаю демобилизации, рванул в Москву. Первое время мыкался по съёмным квартирам, расспрашивал, разведывал обстановку – что да как сейчас в Москве играют и слушают. И, тщательно обдумав и взвесив свои возможности и амбиции, решил срочно подогнать под нужный уровень свой репертуар, чтобы было с чем себя показать. Он давно уже наметил место, где можно заработать неплохие деньги и, объединив свои силы и средства, собранные для него многочисленной украинской роднёй «на первое время», начал терпеливо и методично двигаться к цели. Экономя на еде, покупал у спекулянтов пластинки, кассеты с записями гитаристов-мировых знаменитостей, и часами слушая и тут же проигрывая, повторяя много раз одну и ту же мелодию, «снял» по нотке, по аккорду, по пассажи, доводя своё исполнение до определённого совершенства. Конечно же, помогли месяцы, проведённые в составе солдатского ансамбля, где помимо обязательных строевых и военных песен, разучивались – для себя, для души – мировые шлягеры.

Однажды сосед Мити по коммуналке услышал доносящуюся из его комнаты красивую мелодию, ритмически напоминающую испанскую. Мелодия повторялась несколько раз, сменялась другой и снова возвращалась. Сосед постучался в дверь, и, не дожидаясь ответа, вошёл в комнату.

– Ты играешь? – удивлённо спросил. – А что это? Что-то знакомое, не могу вспомнить.

Митя, ничуть не смущённый вторжением, ответил:

– Пако де Лусия. Знаешь такого?

Слово за слово, завязался разговор. Оказалось, сосед работает официантом в ресторане на окраине Москвы. Послушав Митю около часа, уходя, уверенно заявил:

– Завтра вечером приходи к нам в ресторан, познакомлю с музыкантами – они как раз гитариста ищут. Может быть, понравишься.

Так следующий вечер стал началом Митиной карьеры.

За несколько лет он сменил десятки ресторанов, каждый раз уводя за собой из предыдущего места своих почитателей. С каждым разом рестораны становились всё престижнее, категории статуснее, этажи выше. Но Митя не переставал делать всё возможное, чтобы зарабатывать как можно больше. Он работал и в выходные – играл на свадьбах, покупал и сдавал в аренду дорогую аппаратуру, постоянно менял гитары на более дорогие, фирменные – с хорошим инструментом больше шансов устроиться в хорошее место. А «хорошим» считался ресторан, где, несмотря на узаконенные часы закрытия – чаще всего в 23.00, договорившись с метрдотелем, можно было часок-другой поиграть для неутомимой публики на заказ. Это и был основной заработок. Часть денег Митя, как примерный сын, отправлял родителям, но большую часть вкладывал «в музыку». Ну, и, конечно, довольно скоро вынужден был обзавестись автомобилем – инструмент, усилители и колонки надо было на чём-то перевозить. Раздолбанный «Жигуль» в его умелых руках вскоре стал вполне

презентабельным, а главное – безотказным.

Примерно через пару лет Митя женился на кругленькой, румяной, с обворожительными ямочками на щеках, девушке Тане, с которой познакомился на одной из свадеб. Она была подружкой невесты. На их с Митей свадьбе, шумной и весёлой, присутствовали лучшие музыканты из лучших ресторанов, приехала вся его украинская родня – с салом, яблоками, помидорами, подарками, с немереным количеством горилки. Молодожены, не замечавшие никого вокруг, с обожанием смотрели друг на друга. Митя, впервые за долгое время, находясь в ресторане, не сидел на сцене. И единственный раз, в конце вечера, взял гитару и, сев рядом с невестой, спел её любимую «Michel»...

Жизнь налаживалась. Митя из съёмной комнаты переехал в Танину однушку в Люберцах и продолжал самозабвенно работать. В свободное время пропадал в гараже, доставшемся Тане в наследство от деда: доводил до ума подержанный 123-й Мерседес, сменивший «Жигулёнка» – что-то в нём менял, подкручивал, шпаклевал, красил, шлифовал. Таня, которую Митя называл «моя Танюха», оказалась хорошей хозяйкой – без усталости наводила в доме порядок, пекла пироги, консервировала – баловала, чем могла своего Митюшу. Через год родились близнецы – щекастые и горластые Маша и Витя. Танюша немного расплнела, но похорошела. И, несмотря на новые заботы и дополнительные хлопоты, на бессонные ночи – не расслаблялась, всё держала под контро-

лем, а точнее – всё взвалила на себя. На жизнь не жаловалась: Митя её любил, приносил домой деньги, не считая, мятой кучей запихивал в деревянную шкатулку и никогда не требовал отчёта – сколько и на что тратила жена. Приходил часто поздно ночью, порой под утро, когда дети уже просыпались. Поиграет с ними часок, погремит погремушкой и – спать. До обеда. В обед навернёт тарелку борща с пампушками, чмокнет раскрасневшуюся от счастья, что угодила мужу, Танюху, и уедет по делам – то запчасти для машины купить, то новую гитару посмотреть, то деньги за прокатную аппаратуру собрать. А потом – на работу.

Везде, где бы Митя ни работал, его любили. Музыканты, повара, официанты, посетители. Да и как можно было не любить обаятельного, статного, улыбчивого молодого парня с пружинистой кудрявой шевелюрой! Митя не курил, не пил. Даже когда гости приглашали музыкантов за столик, что, кстати, категорически запрещалось, у него была самая не обидная отговорка – «Пью только чай. Сладкий». Так и получил своё прозвище – «Слад-чай-ший».

Сладчайший, конечно же, при своих внешних данных и таланте, не был обделён и женским вниманием. Не было вечера, чтобы хотя бы одна дама не отделилась от компании и не подошла бы к сцене с просьбой что-нибудь исполнить специально для неё. Часто за подобными просьбами скрывался и другой интерес. И Сладчайший играл и пел, всё – от эмигрантского псевдо-шансона и тюремной блататы до Эри-

ка Клэптона и Джона Махавишну. Публика, знающая весь его репертуар, исполнявшийся после официального закрытия заведения – на заказ, ревела от восторга, когда Митя брал гитару, подходил к микрофону и пел на полном серьёзе: «Поспели вишни в саду у Махавишны», сопровождая песню немислимыми по сложности пассажами. И уже на следующий день песня, переименованная им, гуляла по сценам московских ресторанов с комментариями: «А Сладчайший-то, знаешь, как вчера спел?» И пытались повторить. А он в этот вечер уже смешил публику чем-то новым – типа, что в посылке тёте Хае из Шанхая «три китайца красят яйца». И повторяли. Но вот стиль, технику и эмоции Сладчайшего воспроизвести не могли.

Маша с Витей росли, развивались по всем законам педиатрии – прививки, зубки с температурой, воздушные ванны, сидение в подушках, ползание по манежу, первые шаги по тесной квартире, слёзы и обиды, весёлые потасовки, размазанная по щекам каша, сломанные игрушки. Режим общения с папой оставался прежним – один-два часа утром. И режим общения Тани с мужем не менялся – встречи с работы глубокой ночью, поздний ужин, иногда переходящий в ранний завтрак, обед с пирогами и после завершения бесчисленных и бесконечных дневных дел – короткий сон калачиком на диване.

Заканчивались три декретных года, но Танюша не хотела отдавать детей в детский сад – дети были здоровые, чистень-

кие, ухоженные, улыбчивые, нарядные. Они уже знали некоторые буквы, рисовали, разучивали с мамой короткие стихи и простенькие танцы с притопами и прихлопами. Днём малыши гуляли в ближайшем парке или возились со сверстниками в песочнице у дома. Таня не могла нарадоваться на близнецов! Да и Митюшу своего любила – ни единого слова упрёка не слышал он от неё за все годы. Да и за что было упрекать? Мужик деньги зарабатывал, ни в чём не отказывал, не пил, не гулял. Конечно, она предполагала, что на такой работе у него могли быть какие-то мимолётные увлечения, флирт, даже обнималки с поцелуями допускала. Но чтобы изменить – это не про него! И, зная о том, что он частенько подрабатывал, подвозя кого-то по пути – а там кто только не садился в машину! – не допускала даже мысли о возможных соперницах, пусть даже моложе и красивее её! Танюша изо всех сил старалась быть для мужа самой лучшей! Он никогда не видел жену в растянутой кофте, в полинявшем халате, с растрёпанными волосами. К его приходу – во сколько бы он ни вернулся – она принимала душ, меняла бельё, вместо «рабочей» одежды одевала что-нибудь нарядное. Лёгкий макияж, две капли духов, свежевывмытые расчёсанные волосы – и она готова к встрече любимого мужа...

Однажды вечером, когда дети давно уже были накормлены, выкупаны и уложены, а Таня в ожидании мужа занималась уборкой, в дверь позвонили.

Отодвинув ведро с водой, держа в руке тряпку, она откры-

ла дверь. Две девушки – блондинка и брюнетка, лет двадцати стояли за порогом. Взглянув на женщину в ситцевом халате и с растрепавшейся причёской, переглянулись. Выглядели они так, как принято говорить, «будто сошли с обложки модного журнала».

– Вам кого? – спросила, улыбнувшись, Таня.

– Митю, – ответила блондинка.

– Дмитрия, – поправила брюнетка.

– А он на работе. Его в это время ещё не бывает дома, – дружелюбно продолжала Таня.

Девицы синхронно смерили её презрительным взглядом, не упустили из виду ничего – ни тряпки в её руке, ни оторванной нижней пуговицы на халате, ни отсутствия кольца на безымянном пальце.

– А ты... Вы кто ему? – с вызовом спросила блондинка.

– Я – жена, – гордо и уверенно ответила Таня, стараясь скрыть наплывающее волнение.

– Же-на-а? – девицы опять переглянулись. – Не понимаю! Вот из-за такой жены, – блондинка сделала ударение на слово «такой», – Сладчайший отказывается от таких как мы! – снова выделив голосом «таких», взглянула на подругу, как будто разговаривала только с ней.

– Каких это «таких»? – положив тряпку на пол, чтобы выиграть несколько секунд и справиться с волнением и страхом, тихо спросила Таня. – Если отказывается, значит, я – лучше. А кто вы – ему? Случайные попутчицы? Ресторан-

ные гуляки? Путаны? Что вы сделали для него лично? Вы о нём заботились? Ночами не спали, ждали? Рубашки стирали? Утешали словом? Навещали в больнице с бульончиком и паровыми котлетками? А, может быть, вы ему детей родили? Вон, загляните в комнату – двое умненьких, красивых сопят в четыре дырочки! Это его дети! Наши! На халат мой смотрите? Оцениваете? А вы с тряпкой – в этих выпендрёжных платьях по полам ползаете? Или вы вообще не знаете, как это делается? Посмотрела бы я на вас без штукатурки, да после того, как повкальваете с моё!.. А вы его любили так, как я? Что молчите?!

Танина отповедь немного сбила спесь с девиц. Потоптавшись, буркнув «до свидания», они поспешили вниз по лестнице.

Таня закрыла дверь и, обессиленная, опустилась на влажный пол. Голова кружилась, слёзы текли по щекам, сердце стучало бешеным молотом. Успокоившись немного, она встала, убрала ведро и тряпку, проверила, как спят дети – не раскрылись ли? – поцеловала их тёплые носики, улыбнулась и направилась в душ.

Митя вернулся домой около половины третьего. Как обычно – уставший, но весёлый и довольный заработком. Вкусная еда и приветливая, улыбающаяся жена всегда располагали его к разговорам, к подробным рассказам о работе, какие песни заказывали, какие сценки наблюдал в зале – а в зале чего только не посмотрелся за эти годы, вплоть до

стрельбы! В этот раз он рассказывал о попутчиках, говорил о планах на лето, что хорошо бы малышей отправить к деду с бабушкой на Украину. Воздухом чистым подышат, да и старикам радость. Таня смотрела на мужа, не слыша того, что он говорил, пытаясь понять – где он настоящий: с ней или за пределами дома. Она думала о том, что же будет с ней и с детьми, если он вдруг возьмёт и уйдёт к одной из таких «моделей». Она улыбалась, глядя на Митю, и мысленно благодарила Бога за то счастье, что у неё есть. А у других такого счастья ещё нет. А, возможно, и не будет никогда.

В ту ночь они любили друг друга особенно тихо, нежно и бережно...

И уже сквозь сон Митя услышал Танин шёпот: «Сладчайший мой...»

Ночь как ночь

В очередной раз попытка выспаться не увенчалась успехом. Проворочавшись около часа и пересчитав чудовищное количество овец, встаю, иду на кухню, включаю чайник, достаю молоко и мед. Выпиваю маленькими глотками разведенное кипятком молоко, съедаю чайную ложку меда и возвращаюсь на диван. Кошка, восстановив форму нимба над моей головой, громко, усердно мурчит...

Завтра закончится корм. Подсчитываю, сколько надо купить, чтобы хватило на месяц – корма и денег. Считаю – не сходится. Встаю, иду на кухню, включаю чайник, капаю в рюмку пятьдесят капель валокордина, развожу горячей водой и, заранее вздрогнув, выпиваю. И закуриваю.

На часах 2.10. Квакнул планшет – кто-то сумасшедший или очень наглый прислал сообщение. Открываю – подруга.

– Чего не спишь?

– Забыла выключить, вот и «свечусь», – пишу, с трудом попадая на нужные буквы.

– Ну, раз не спишь, включай скайп, хоть поболтаем немного.

– Давай.

Включаю. Вижу ее на фоне какого-то нереально красивого, с огромными белыми цветами, куста.

– А у вас там сейчас что – утро или вечер? Все забываю,

9 часов куда отсчитывать – вперед или назад?

– Да какая разница! Все равно ж у нас не ночь! – бодро и весело сообщила она.

– Ну, рассказывай, как ты там? Очередной доклад строишь или счета подписываешь?

– И то и другое одновременно, причем с одинаковым неудовольствием.

– Сочувствую. А я вот заснуть никак не могу – все мысли какие-то в голову лезут.

– Ну, так ты их запиши и сразу избавишься. Как там наши-то все? Кто звонил?

– Не знаю ничего, давно не общалась ни с кем. Только с Маргаритой месяц назад. Да ты и так про нее все знаешь. Она уже бабушка. Довольна жизнью, хорошеет, богатеет.

– Ну, и хорошо. И слава Богу! А ты?

– А что я? Все то же самое – но с частицей «не». Ладно, пойду спать, а то опять до утра не усну.

– Звони на скайп! Или пиши хотя бы!

Куст исчез с экрана. Предусмотрительно выключив планшет, плетусь в комнату. Почуввав запах валокордина, кошка мгновенно приходит в возбужденное состояние и начинает охотиться на все выступающие части моего тела. Одеяло, натянутое на голову, не спасает – безуспешно поотбивавшись от ее острых коготков и зубок, встаю, иду на кухню, включаю планшет и вижу, что наша Маргарита в сети.

– Чего не спишь? – пишу ей.

– Забыла выключить, вот и «свечусь».

– Ну, если не спишь, включай скайп – поболтаем.

Через несколько секунд вижу подругу на огромной роскошной кровати – постельное белье невысказанной красоты! Огромные белые цветы – то ли розы, то ли пионы, то ли магнолии на зеленом фоне. И такого же цвета лицо Маргариты.

– Не пойму, почему ты... такая...

– Не пугайся, маска у меня, новый рецепт – омолаживающая. Ты же знаешь – я должна молодо выглядеть, соответствовать «своему». Пока нашу разницу в возрасте не все замечают, но, когда замечают, то думают, что она раза в два меньше, чем на самом деле. А такого результата – ой как не просто добиться! А недавно, представляешь?! – какая-то бабка в магазине подумала, что это мой сын! Так если б просто подумала! А то ведь вслух произнесла!! Я ее чуть не убила!

Маргарита продолжала рассказывать про тупую «бабку», возмущаясь попутно, что со стороны ее возлюбленного не последовало никакой – «то есть, абсолютно никакой реакции!», как она из-за этого с ним поссорилась, как выбежала из магазина, даже не взяв купленные продукты, как ловила такси под дождем, а он – «а он! – ты только представь! – даже не попытался меня догнать!»

– Ну, успокойся! Помирились же?

– Конечно! Куда ж он от меня денется? Я его во всех отношениях устраиваю, особенно в интиме, – пытаюсь изобра-

зить улыбку, что плохо удавалось из-за стягивающей маски, кокетливо произнесла Маргарита. – Хотя, знаешь, последнее время что-то не так идет. Заскучала я с ним. Во всех отношениях, – многозначительно добавила она. – И без алкоголя и крема уже не обхожусь. А ты знаешь, КАК на меня алкоголь действует – я всем голливудским звездам фору дам! – уверенно заявила Маргарита и для большей убедительности стукнула рукой по стоящей рядом тумбочке. Потом подробно рассказывала про новую мебель, про поездку в Таиланд, про то, как отремонтировала квартиру, которую сдает, и теперь «сдавать ее можно будет гораздо дороже».

Через какое-то время я начинаю засыпать и, услышав слова «завораживающая история», изо всех сил пытаюсь поймать нить разговора.

– Ты о чем? Что за «завораживающая история»?

– Я про фильм! Ты слушаешь или нет? А что-то тебя плохо видно – темно как-то.

– Да я на кухне без света сижу.

– А-а. Ну, так вот, фильм просто...

Продолжения фразы я уже не услышала, потому что в планшете села батарейка. И во мне, кажется, тоже. Вытряхнув пепельницу в ведро для мусора, шлепаю в комнату, ложусь. Скрючиваюсь под одеялом – ноги ледяные. Да-а, Маргарита умеет рассказывать – заслушаешься! Ей бы книги писать! Давно советую. И муж ее советовал. Он называл ее Марик. Или Мара. А она просила называть ее Маро – с ударе-

нием на «о». И принципиально без «г» – считала, что «г» очень жестко звучит в женском имени. Девчонки-однокурсницы завидовали ей – умница-красавица, талантливый муж-музыкант, квартира, машина, гастролы заграничные, тряпки моднучие. Чего еще желать? А муж-то – талант был, но пил по-черному, год от года все чаще, больше и дольше. Она его, как могла, вытаскивала из запоев, и, как ни в чем ни бывало, регулярно крахмалила рубашки, носила на концерты термос с крепким чаем, ноты и всю необходимую музыкантскую атрибутику. Никто и не подозревал об их проблемах. Закончилось все неожиданно и страшно – в сорок с небольшим он умер. Скоропостижно. А наша Маргарита, через год сняв траур с тела и лица, решила начать «вторую» жизнь. Через пару лет – третью. Какая сейчас жизнь была по счету, я уже не знаю – сбилась. Знаю, что в последней связи ее радовало то, что она не путалась в именах – ее новая пассия был полным тезкой ее покойного мужа. Была ли Маргарита-Мара-Маро счастлива? Или только пыталась выглядеть счастливой? Где-то у меня была фотография, где мы втроем – Мара, ее муж и я гуляем на Ленинских горах. Там она точно выглядела счастливой! Встаю, иду на кухню, включаю свет, чайник, лезу на антресоли, достаю коробку, в которую много лет назад сложила черно-белые фото. Господи, сколько же тут их! Ладно, завтра посмотрю. То есть уже сегодня...

Очередная попытка лечь и все-таки заснуть началась с борьбы с кошкой, категорически не желавшей уходить с по-

душки. Моих сил к пяти утра уже не осталось, поэтому права на свое законное место я отстаивать не стала и удовольствовалась мягкой игрушкой – плюшевой собачкой, лежащей рядом. Кошка одобрила мое решение, подтвердив это усиленным мурчанием в ритме колыбельной. Или мне так показалось? Или уже приснилось...

Лиловая помада

Как обычно, проводив мужа и сына на работу, Анна включила телевизор и под разговоры о здоровье и новых тенденциях в моде текущего сезона, уселась с чашечкой кофе на кухне. Планы на сегодняшний день были грандиозные – вечером предстояла встреча с подругой, с которой они регулярно перезванивались, но встречались, увы, только раз в год и в конкретный день – 8 января. Обе были замужем, имели взрослых сыновей, а любимая – у каждой своя – работа занимала такое огромное количество времени и отнимала такое количество сил, что на частое общение именно времени и сил уже просто не хватало. До вечера нужно было успеть приготовить обед и ужин – борщ, куриные котлеты и блинчики с творогом – любимые блюда главных в ее жизни мужчин, сбегать в магазин, сдать в химчистку ковер, затоптаный собакой. А главное – навестить парикмахершу и маникюршу, чтобы предстать перед подругой Машей при полном параде, учитывая ее осведомленность о тайнах женской красоты и ее возможности воплощения этих тайн в жизнь.

Взглянув мельком на экран, Анна увидела неестественно улыбающиеся лица девушек-моделей и услышала окончание одного из «модных советов» главного эксперта моды нашей страны – «итак, сегодня, спустя 25 лет, вновь возвращается лиловый цвет губной помады»...

Анна затушила только что закуренную сигарету, аккуратно поставила на блюде недопитую чашку с кофе, выключила телевизор и пошла в спальню. Открыла платяной шкаф, вытащила любимые, издавшие виды джинсы и свитер, купленный 25 лет назад, из шкатулки, в которой хранилась всякая мелочь, достала тюбик губной помады и подошла к зеркалу. Долго и пристально вглядывалась в отражение, сбросила шелковый халатик, надела джинсы, свитер, накрутила губы. «Так и пойдю», – сказала вслух...

Встречаться на следующий день после Рождества подружки начали много лет назад. Первая их такая встреча состоялась по необходимости – решили обсудить детали нового совместного творческого проекта на нейтральной территории. Договорились встретиться на Пушкинской и посидеть в «Макдоналдсе». В тот год 8 января приходилось на воскресенье, сроки сдачи проекта поджимали, и Анна, Маша и Лена, несмотря на ежедневные встречи на работе, не могли найти в здании редакции место и время, где и когда можно было бы сесть и обсудить все в спокойной обстановке – жизнь там бурлила, кипела и выплескивалась во всех углах возмущенными возгласами, ненужными вопросами и, подчас, бездарными советами.

Лена работала в отделе писем, и, каждый час, выходя в курилку, веселила собравшихся вычитанными в письмах «перлами». Анна, или как ее звали коллеги, Нюта, вела на радио собственную рубрику, которая пользовалась успехом у слу-

шателей, но неизменно вызывала сомнения в ее излишней смелости, а потому – в ее необходимости, у начальства. Маша была редактором. Однако, помимо кропотливой и неблагодарной работы по исправлению стилистических ошибок в чужих текстах, талантливо писала собственные, и уже не раз выходила в эфир с авторскими программами.

Эта известная всей редакции неразлучная тройка была замечена начальством, и ей был поручен один, как казалось руководству, перспективный радиыйный проект – совместить «народное из писем по заявкам слушателей», популярное советское и новое зарубежное в «одном флаконе».

В тот день дискуссия между подругами затянулась надолго. Причем, разговоры о предстоящей работе быстро и плавно перешли на обсуждение личной жизни каждой. Биг-Маки, кофе и ванильные коктейли были решительно и бесповоротно вытеснены сигаретами и восклицаниями типа «да когда же это все кончится?!» и «как только ты можешь это терпеть?!». Перебивая друг друга, рассказывали, уже, естественно, не в первый раз, но так эмоционально, как будто в первый, о своих домашних проблемах – обижались на мужей, мол «все ему пофигу», беспокоились за детей – «то двойки пачками носит, то на крыше лифта катается»...И, расставаясь, изрядно устав от тоекратно усиленных эмоций, договорились встречаться 8 января каждый год – что бы ни случилось! И первые три года строго выполняли данное обещание.

А на четвертый Ленка внезапно уехала с семьей за границу – ее мужу предложили работу в Германии, и она, ни секунды не раздумывая и, несмотря на их, почти сошедшие на нет, отношения, быстро собрала чемоданы, выдернула ребенка из английской спецшколы и, ничего не рассказав даже близким подругам, коими считали себя Маша и Нюта, укатила и, казалось, навсегда исчезла из их жизни.

Машу и Нюту вскоре тоже развела судьба – Нюта, провозгласив с уверенностью в голосе, что семья – «главное в ее жизни», ушла с любимой и перспективной работы и искренне пыталась посвятить себя мужу и сыну.

Маша же, взяв на себя обязательство не дать «загнуться» авторской программе Нюты, вела ее добросовестно и в высшей степени профессионально. А Нюта регулярно слушала свою любимую Машуню в эфире, радовалась, что ее «детище» живет, но в глубине души завидовала Машиной славе и популярности. Конечно же, иногда хотелось что-то посоветовать – по-дружески – что-то изменить в формате, подкорректировать по форме. Но на что она имела право, сидя на диване или перемывая посуду? Да, рубрика была, да Нюты уже там не было...

Тем не менее, каждый следующий год 8 января Маша и Нюта встречались в «Макдоналдсе» на Пушкинской и по несколько часов подряд говорили, говорили, говорили...

И в этот раз – как будто сто лет не виделись – дети, мужья, концерты, эфир, воспоминания: кто – где... Маша похваста-

лась повышением в должности и, наконец-то, зарплате, покрушалась, что ушел старый заведомом, а на его место пришел молодой, неопытный и «амбициозный козел». Рассказала, что ее нашла «наша Ленка!» в соцсетях: «У нее все отлично! С мужем развелась, вышла замуж за немца, счастлива, есть собственный домик, родила второго ребенка, не работает, вяжет и шьет в свое удовольствие – ты же помнишь, как она всю редакцию обвязывала? По скайпу теперь общаемся. Выглядит шикарно, помолодела! Вспоминали наших – про тебя спрашивала, привет передавала, помнит, что каждое 8 января в «Макдоналдсе» встречаемся», – тараторила Машка. – Я ее поздравила с Рождеством вчера, А она мне историю одну рассказала про свою какую-то подругу – не поверишь! – ей любовник на Рождество подарил лиловую губную помаду. А когда она спросила – почему он выбрал такой странный цвет, ответил – «да я и не выбирал – вчера подвозил проститутку, так она мне помаду отдала, сказала «мне не идет этот цвет, возьми, кому-нибудь подаришь, он сейчас в моде». Бедная девка! Это ж надо – так опустить!». Машка продолжала с упоением рассказывать о Ленкиной жизни и о своих планах – поехать к ней летом...

...Аркадий приехал неожиданно, без звонка. Анна ждала его накануне – запекла индейку в духовке, нажарила картошечки, поставила на стол бутылку красного вина, зажгла свечи. Надела его любимое платье...

Просидев за столом до полуночи, задула свечи и не спеша

убрала еду в холодильник. В начале первого позвонил из командировки муж и поздравил с наступившим Рождеством, что было очень странно – никогда прежде, за все одиннадцать лет их совместной жизни он не вспоминал об этом празднике, да и не только об этом – последние годы забывал даже о днях рождения.

Спать не хотелось, и Анна, чтобы отвлечься от тревожных мыслей, занялась домашними делами.

Вечером следующего дня раздался звонок в дверь – Анна открыла, держа в руке веник.

– Ты что – в праздник уборку затеяла? – голос Аркадия был как всегда звонким, а на лице – его «фирменная», как он говорил сам, обворожительная улыбка.

– Ну, во-первых, не только уборку, но и стирку, а во-вторых, праздник для меня уже закончился.

– С ума сошла! – весело отозвался Аркадий и, благоухая морозом и любимым Balafre, бесцеремонно отодвинул Анну и стал снимать куртку.

– Где праздничная еда? – спросил, проходя на кухню и одновременно проводя рукой по Аниной груди.

– В холодильнике, – мрачно произнесла она.

– А почему не на столе? Я пришел, – подхватывая на руки Анну, смеясь и целуя ее, промурлыкал Аркадий.

«Всё, всё, не обижаюсь, не выясняю ничего, я его люблю, я без него жить не могу, всё прощу, всегда! Только мой!» – мысленно произносила, как заклинание, Анна, – Все-таки

приехал! Значит, скучал! – ликовала, – Люблю!»

– Я ... привез... тебе... подарок, – осыпая поцелуями в перерывах между словами, говорил в самое ухо.

От счастья и непередаваемой словами нежности у Анны кружилась голова и подкашивались ноги.

– Какой? – еле смогла произнести.

Аркадий достал из кармана пиджака тюбик губной помады – явно импортной и дорогой, судя по упаковке, и положил Анне на ладонь.

– Смотри, самый модный цвет – лиловый, – сказал с гордостью.

– Откуда знаешь, что «самый»? Ты ж не следишь за женской модой.

– Да я сегодня ночью проститутку одну подвозил к «Интуристу» – она мне отдала и сказала, что модный.

Анна стиснула в руке помаду так, что пальцы побелели, но не швырнула ему в лицо только потому, что не могла их разжать.

Свело руку, сжалось сердце, перехватило дыхание, в горле пересохло.

– Я сейчас буду очень занята. Уезжай. – только и смогла произнести севшим голосом.

– Ты что? Я же только приехал! – тоном обиженного ребенка протянул Аркадий.

– Уезжай, – повторила из последних сил.

Аркадий, пожав плечами, оделся и, ничего не выясняя, не

попрощавшись, ушел.

Анна закрыла за ним дверь, прислонилась спиной к стене и, медленно оседая на пол, завывала – тихо, монотонно, без слез, неотрывно глядя на кончик тюбика модной лиловой помады, зажатого в кулаке...

...Нюта услышала вопрос Маши не сразу:

– Что? – переспросила.

– Ты что – плохо себя чувствуешь?

– Нет, все в порядке.

– Значит, помада лиловая тебе точно не идет – бледнит как-то. Хотя и говорят, что в тренде сегодня этот цвет, но уж очень он опасный!

– Очень, Маш, опасный, согласна, знаю, но все равно его люблю, – Анна достала из сумочки влажную салфетку и аккуратно стерла помаду с губ.

Поэма о ноже

С самого раннего утра Ирина хлопотала на кухне – накануне вечером муж Николай сказал, что хочет борща. Включила негромко радио, поставила на тихий огонь кастрюлю с бульоном и занялась овощами. Все, как он любит – морковь потерла, капусту мелко нарезала, свеклу – кубиками, картошку – полосками, помидоры протерла. Подготовленные овощи разложила по мисочкам и накрыла пищевой пленкой. Под ногами постоянно крутилась собака, напоминая, что уже давно пора на прогулку. «Сейчас, сейчас, Малыш, подожди немного», – шептала Ира. Вспомнила, что забыла купить сметану. Решила совместить прогулку с заходом в магазин, который находился в соседнем доме. «И погуляем, и в магазин зайдем – сметанку папе купим!», – радостно сообщила собаке, одевая ошейник. Вернувшись через 15 минут, накормила Малыша и принялась колдовать над борщом.

К обеду проснулся Николай, сладко потягиваясь и зевая, вышел из комнаты.

– Пахнет вкусно-о-о! – протянул, войдя в кухню. – Борщик? – улыбнулся.

– Да, у меня все готово, – с гордостью ответила Ирина. – С добрым утром!

– А почему сметана 15-типроцентная? – увидев на столе банку, спросил Николай, резко сменив тон и недовольно гля-

дя на жену. – Это же вода! Ее есть невозможно!

– В ближайшем магазине была только такая. Мы с Малышом ходили. Ну, ты побольше положишь и нормально будет, – начала оправдываться Ира.

– Нет уж, я сейчас сам схожу – в другой магазин, там всегда есть 25 и 30 процентов.

Николай быстро оделся и вышел.

Прошло минут сорок, и по расчетам Ирины муж уже давно должен был вернуться. «Теперь будет недоволен, что борщ остыл», – подумала.

Хлопнула входная дверь.

– Купил? – спросила Ира весело, выходя навстречу мужу.

Николай быстро прошел на кухню, поставил банку 30-типроцентной сметаны на стол.

– Ну, все, давай обедать, – засуетилась Ирина.

– погоди! Посмотри, что я нашел! – Муж достал из кармана куртки небольшой газетный сверток.

– Представляешь, проходил мимо мусорки, – начал он загадочным тоном, одновременно разворачивая газету, – смотрю – блестит что-то. Наклонился, вижу – нож. Да какой! – он протянул руку, демонстрируя жене то, что когда-то было ножом.

– Но он же сломан... Это только малая часть ножа! – робко заметила Ира.

– А ты посмотри, какая ручка! – произнес Николай с восхищением. – Какая форма, какой цвет! Ты потрогай, подер-

жи в руке! – продолжал он, подходя к жене. – Как удобно держать – выемки под пальцы, и поверхность такая приятная, и в руке не скользит! – все больше распаялся Николай.

– Он же с помойки! – поморщилась Ирина.

– Я его протер газетой – хорошо, что в почтовый ящик заглянул перед выходом. Да и лежал он на чистом месте, рядом с баком, – отмахнулся муж, продолжая разглядывать нож.

Ирина тем временем поставила на стол тарелки, соль, перец, нарезала хлеб, открыла банку со сметаной. Николай, не обращая ни на что внимания, то подносил «добычу» ближе к лицу, чтобы лучше рассмотреть, то отодвигал от себя, поворачивая нож то одной стороной, то другой.

– Мой руки и садись. Остынет совсем твой борщ, – стараюсь не подавать виду, что раздражена, сказала Ирина.

– Да подожди ты со своим борщом!.. Нет, ну, это просто шедевр дизайна! Интересно, какой длины лезвие у него было? Верхняя часть прямая, а нижняя – с пилкой – на скос идет. То есть, он должен иметь форму треугольника. А пилка-то какая! Ты посмотри, какие волны – достаточно крупные, но не глубокие. Интересно, что он лучше режет – хлеб, или сыр там, колбасу, или овощи?

– Резал, – пробурчала Ирина.

– Что?

– Раньше резал. А сейчас уже ничего не нарежет.

– Но ведь резал! Представляю, как его владелец был доволен! И где только нашел такой?

– Уж точно, не на мусорке.

Николай пропустил мимо ушей Ирину реплику и продолжал:

– И все-таки меня очень интересует, какой длины он был... Кстати, можно определить! – он быстро вышел из кухни, вернулся с листком бумаги, ручкой и линейкой. Приложил нож к бумаге и обвел ручкой по контуру. По линейке продлил обе линии до их пересечения.

– Вот! Смотри! Получается, что нож был 17 сантиметров. Как думаешь, что им резали?

– Всё! – довольно резко ответила Ирина. – Мы обедать будем?

– Конечно. Наливай!

Ирина разлила борщ, который успела уже два раза подогреть, по тарелкам, насыпала зелень, намазала белый хлеб сливочным маслом. Села за стол. Муж продолжал вертеть в руках нож, словно пытаясь увидеть то, чего нет, или представить всю его историю.

– Странно, что на лезвии нет никакого клейма. Я был уверен, что это Solingen. Сталь такая... необычная... Может быть, он самодельный?.. Хотя вряд ли, – рассуждал Николай. – Материал у ручки фирменный, я это чувствую. Вряд ли в домашних условиях можно такой изготовить...

Ирина доела борщ, вымыла свою тарелку, убрала в холодильник сметану и вышла из кухни.

– А как ты думаешь – ведь лезвие очень прочное! – поче-

му он сломался? – спросил Николай, не заметив сразу отсутствия жены.

– Какая-нибудь разгневанная тетка ткнула им в твердый лоб своего мужа, – тихо сказала Ирина.

– Ир, ну, ты куда ушла? – услышала она через несколько минут. – Обедать-то будем?

Я люблю тебя до слез

Дамина щелкнула пультом и резко отбросила его в сторону. Экран телевизора погас. «Сколько ж можно! Опять этот Серов! То дети внебрачные, то любовницы!» – пробормотала с раздражением, поднимаясь с дивана.

Прошлась по полупустой комнате, огляделась, словно видела ее в первый раз, подошла к тумбочке, на которой стоял музыкальный центр. Провела пальцем по пыльной поверхности. Взяла лежавший рядом диск, вставила и повернула ручку громкости на максимум.

...«Я люблю тебя до слёз

Каждый вздох, как в первый раз!

Вместо лжи красивых фраз это облако из роз»...

... После работы Даша решила зайти в магазин – купить что-нибудь на ужин. Набрал полную корзину продуктов, встала в очередь к кассе. Перед ней стояла модно одетая, невысокая женщина и громко разговаривала по телефону на незнакомом языке. Что-то в ее внешности показалось Даше знакомым.

– Простите, Вы случайно не ...? – спросила робко.

Женщина быстро обернулась, не дослушав вопроса, пристально, с некоторым недоверием, посмотрела на Дашу и вдруг воскликнула:

– Дашка! Ты?!!!

– Дамина!

Через полчаса они уже сидели на кухне Дамины и пили чай с чак-чаком.

– Ну, рассказывай, что, как, где пропадала? – спросила хозяйка.

– Да нигде я не пропадала, это ты не звонила. Я все там же, ничего за эти годы в моей жизни не поменялось.

– А я вот с этим переездом намучилась, пока мебель и столовые приборы с Жоркой делила. Половину вещей потеряла, и записную книжку в том числе. Так что позвонить тебе никак не могла. А ехать в наш старый дом не хотелось.

– А дети где? Их-то, надеюсь, не делили?

– Он хотел. Сколько судов было – и не сосчитать! Я все-таки отбила их. Русланчик сейчас с девушкой квартиру снимает, а Элька..., – на глаза Дамины навернулись слезы, – уехала в Турцию, замуж вышла. Но... не нравится он мне. Даже по фотографиям. На свадьбе-то я не была. Не приглашали. Ну, она всегда такая была, самостоятельная слишком. Да и не могла простить мне развода – отца очень любила.

А за что его было любить? Вот скажи мне! – Дамина подошла к окну, приоткрыла створку, дрожащими пальцами вытащила из пачки сигарету. – Ну, за что?! – повторила громче. – Как он орал на меня, как за мной гонялся по квартире с ножом, сколько слез я пролила!

– Даминочка, успокойся, – ласково произнесла Даша и подошла к подруге. – Помню, ты рассказывала, но я же часто

у Вас бывала и никогда при мне...

– Вот именно, «при тебе»! – перебила Дамина. – Он при всех всегда был белый и пушистый! Никто и подумать не мог, какой он дома, со мной! Все родители его боготворили – «Георгий Семенович такой хороший педагог!», «Георгий Семенович такой хороший человек!», «Георгий Семенович такой прекрасный музыкант!», – передразнила.

– Мин, ну, успокойся, я помню, что он у тебя на четырех работах пахал, бегал из одной музыкальной школы в другую, настройщиком еще подрабатывал, учеников частных имел. И в доме у вас всегда достаток был – дети одеты-обуты, на столе всегда изобилие. Я твои кулинарные шедевры до сих пор забыть не могу – приходишь к вам, а у тебя чего только нет! Названия тогда еле запомнила: тулма, кабартма, калжа, перемяч, беляш, кыста...

– Кыстыбый, – поправила Дамина, вытирая слезы. – Там еще много чего было, это правда. Татарская кухня очень древняя и богатая. А «перемяч» это и есть беляш, – улыбнулась. – Ладно. Все в прошлом, – вздохнула. – И любовь в прошлом...

За окном стемнело. Женщины перешли в комнату, сели на диван.

– Давай музыку, что ли, послушаем, – предложила Дамина. – Элькину любимую.

«Я люблю тебя до слёз

Каждый вздох, как в первый раз!»...

– раздалось из динамиков.

– Не-на-вижу! – сквозь зубы процедила Дамина.

– Серова? Что так? Зачем тогда слушаешь? – с удивлением взглянув на нее, спросила Даша.

– Это все из-за него! Помнишь, как Элечка маленькая плясала в манеже под его песни? Только под Серова можно было ее успокоить, отвлечь, накормить. Его голос у нас звучал круглые сутки! Она на нем выросла! Ей не нужны были ни колыбельные, ни сказки, ни детские песенки – подавай ей Серова! И эта любовь не прошла: она и в школе его слушала, и в институте! Ходила на все его концерты, моталась за ним по стране, покупала его диски, зарабатывала на поездки и на билеты курьером, в Мак Дональдсе на кассе стояла. У нас вся комната была его фотографиями обклеена – обоев не видно было! – горячилась Дамина.

Даша и сама, приходя в гости к Дамине, каждый раз удивлялась, как годовалая Эля, стоя в манеже, держась за бортик крохотными ручонками, внимательно смотрела на экран телевизора, пританцовывала, приседала в такт и даже пыталась подпевать любимому незнакомому дяде.

– А потом она встретила парня, похожего на этого Серова как две капли воды, – продолжала Дамина. – И даже звали его Александр! И что ты думаешь? – влюбилась! Долго пыталась его тоже приобщить к своему образу жизни. Но тот нормальным оказался – старательно учился, музыку серьезную слушал, на концерты в филармонию ходил. Но, когда

она поняла, что его раздражают ее бесконечные разговоры о Серове, его новых записях, его концертах, дала парнишке от ворот поворот. Я ей говорю: «Эля, одумайся! Тебе нужен хороший человек! Он добрый, внимательный, из хорошей семьи, не сбивай его с пути своими фанатскими штучками!». А она мне: «Если у меня не получится выйти замуж за Серова, то никто мне не нужен! Тем более этот». На что она надеялась – ума не приложу! Я сто раз ей говорила – «он женат, он старый для тебя, где ты и где – он?!», а она только огрызалась и тут же, собрав свой рюкзак, уезжала... Помотала мне нервы изрядно...

Песня закончилась. Дамина замолчала и выключила музыкальный центр.

– А в Турцию как она попала? – тихо спросила Даша.

– Заработать решила. Выучила турецкий язык – он же близок татарскому, устроилась гидом, возила русскоязычные группы. Там и познакомилась со своим Озаном. Приехала, рассказала, что встретила там красивого парня, он предложил замуж, с родителями уже познакомил. Я спрашиваю: «Он тоже на Серова похож?», а она – «Нет, не похож, но он поет как Серов». Представляешь?! И имя-то какое – Озан – значит «певец»! Совсем спятила! Но самое ужасное, что со дня свадьбы, как фото прислала, так и не пишет и не звонит.

– Дамина снова заплакала.

Даша взяла Дамину за руку.

– Давно не звонит?

– Давно...

...Около полуночи Даша уехала. Дамина убрала со стола, умылась. Вернувшись в комнату, не стала включать свет. Села на диван.

... «Лепестками белых роз я наше ложе застелю,

Я люблю тебя до слёз, без ума люблю!»..

Где ты сейчас, Элька?..

Клубника с шампанским

Олег лежал на спине, уставившись в потолок и с наслаждением курил.

– Ты мне изменяла когда-нибудь?

Дина замерла и съежилась под одеялом.

– Нет, – ответила тихо. – А... почему вдруг... тебя именно сейчас это интересует?

– А когда меня должно было это интересовать? До того, как мы легли с тобой в кровать? – не меняя позы, абсолютно спокойным тоном произнес Олег.

– Ну-у... не знаю... Например, когда мы жили вместе.

– А что, ты бы тогда призналась? – усмехнулся.

– В чем?

– В измене.

– А ты мне изменял?

– Я – нет.

– А с Ленкой?

Олег затушил сигарету и повернулся к Дине.

– С какой Ленкой?

– Ну, которая у вас официанткой работала. Светленькая такая, толстушка. Я же помню – видела, как она тебя глазами пожирала.

Дина села и пристально посмотрела на Олега.

– Да что ты помнишь! – чуть повысил он голос. – Сколько

лет прошло!

– При чем тут «лет»? Я же спрашиваю – изменял с ней?

– Нет. В этом смысле – нет. Так, пару раз на кухне прижал. Хотел ее в тот момент... Даже потом номер в гостинице снял. Но не получилось ничего...

– В гостинице?! В какой еще гостинице?!

– В той, где мы работали, конечно.

– Так там же дорого как! Значит, это ты так заработанные деньги тратил? А с меня отчеты за покупки требовал?!

Дина быстро встала, дрожащими пальцами достала из пачки сигарету.

– Я, значит, на хозяйстве, планирую бюджет, бегаю по магазинам, экономлю, выискивая, где что подешевле, чеки складываю в коробочку, из комиссионки не вылезая, чтобы после двух сданных тряпок себе обновку купить, а ты, значит, девку в номера?!

Дина стояла рядом с широченной кроватью, закутавшись в одеяло, держа в руке незажженную сигарету.

– Чего кипятышься-то? Не было же ничего.

– Но ты же хотел этого!

– И что? Ты думаешь, у мужика в жизни мало таких моментов бывает? А вот ты на мой вопрос не ответила.

Олег потянулся к стоящей на прикроватной тумбочке бутылке шампанского.

– Налить еще? – спросил как-то чересчур спокойно.

– Холодное?

– За час, думаю, не успело нагреться, – ответил он и наполнил два бокала почти до краев.

– А клубника у нас осталась?

– Да. Сейчас принесу.

Через минуту оба сидели на кровати и не спеша потягивали прохладный пузыристый напиток.

– Значит, говоришь, у мужика в жизни много «таких моментов». Ну, и сколько же их у тебя было? – спросила Дина, откусывая от крупной ягоды и вытирая ладонью сок с подбородка. – Ведь были?

– Конечно! – ничуть не смутившись, ответил Олег и посмотрел на Дину с удивлением.

– Расскажешь? С Оксанкой, небось?

– Не-ет, что ты! – засмеялся. – Там одного моего хотения мало – там вложения большие нужны были. Она ведь без дорогих подарков никого к себе не подпускала – чуть ли не аукцион устраивала, кто больше даст.

– Да ладно, не прибедняйся! Это у тебя-то не было средств на подарки? Не смейся! Каждую ночь купюры утюгом разглаживал! Из всех карманов кучами доставал.

Дина рывком придвинула тарелку с клубникой ближе к себе.

– Шампанское осталось? – спросила без паузы. – Налей!

Олег покорно выполнил просьбу.

– Да-а, жадность не украшает мужчину, – сделав небольшой глоток, проговорила как бы сама себе.

– При чем тут жадность! – возмутился Олег. – Голос разума! У меня жена все-таки была, – тут же переходя на игривый тон, сказал и легонько ущипнул Дину за щеку.

Она хихикнула и протянула ему самую крупную и красивую ягоду.

– Ну, теперь ты признавайся, – сказал Олег, уворачиваясь от угощения.

– Мне не в чем признаваться, – с гордостью произнесла Дина, пригубив из бокала.

– А я вот уверен, что есть! С Павлом было?

– С ума сошел!

– Тогда – чуть не сошел. Думал, что сойду... Я тебя такой красивой и счастливой, наверное, никогда не видел. Сразу понял, что что-то не то. А ведь ты кокетничала с ним, хихикала, как вот сейчас. А на Вовкиной свадьбе, помнишь, как вы танцевали? Как рок-н-ролл отплясывали! Как смотрели друг на друга! Только дурак не догадался, что он твой любовник.

Олег закурил и протянул Дине пачку и зажигалку.

– Будешь?

Дина выхватила из его руки сигарету, резко вскочила, опрокинув на подушку тарелку с остатками клубники и закричала:

– Да, танцевали! Да, хихикала! Да, кокетничала и была красивой! Но не более того! А все потому, что кому-то тогда было не до меня! Потому что кто-то тискал по углам про-

дажных девок!

– Что ты сейчас-то завелась? – оторопел Олег. – Нет, так нет. Давай хоть сейчас не будем ссориться. Иди ко мне!

Дина глубоко вздохнула, внимательно посмотрела на бывшего мужа, медленно подошла и аккуратно присела на край кровати.

– Давай...

Моя Эдит

Новенький, вызывающе-сверкающий «Гелендваген», лихо развернувшись на Большой Никитской, резко затормозил у «Дома литераторов». Из машины вышла, а, точнее, выпорхнула, небольшого роста худощавая женщина и уверенным шагом направилась к входу. Здесь у нее была назначена встреча с некой Юлией, которая позвонила накануне и, представившись начинающим режиссером и рассказав вкратце о своем новом проекте, очень просила о встрече.

Юля специально приехала на эту «судьбоносную», как она считала, для нее, встречу заранее, чтобы настроиться на разговор, успокоиться. Но за время ожидания ее волнение с каждой минутой лишь нарастало. Она с трудом пыталась представить себе первый момент личного знакомства с известной актрисой, за творчеством которой следила уже не один год, и каждый раз, увидев ее в новой роли, поражалась ее таланту перевоплощения. И вот этот момент наступил.

– Здравствуйте, Таисия! Это я Вам звонила. Я – Юля, – немного заикаясь, произнесла девушка и протянула руку.

Таисия Гордина была одета во все черное – под стать «легенде немецкого автопрома»: длинное, прямое черное платье без рукавов, черные балетки, черные прозрачные перчатки до локтя. Довершала образ маленькая черная шляпка-таблетка с крохотной вуалью, едва закрывающей высокий

люб. Вообще, внешность Таисии была настолько не типичной для востребованной актрисы, что трудно было определиться с оценкой как зрителям, так, возможно, и режиссерам – красавица она или дурнушка. Сейчас у Юли была возможность рассмотреть ее такой, какой она была не на сцене или на экране, а в обычной жизни: фигура девочки-подростка, умело скрытая платьем, длинные руки с острыми локтями, бледная, почти прозрачная кожа, светлые, будто выгоревшие на солнце, волосы, тонкие, высоко посаженные брови, слегка подкорректированные черным карандашом и ярко накрашенные губы. Именно губы – их измененные, благодаря помаде, форма и размер, а главное, их нереально-крово-красный цвет – притягивали взгляд и вызывали ассоциации с фильмами о вампирах.

– Привет, – Таисия быстро, словно куда-то очень спешила, скользнув небрежным взглядом по Юле, пожала протянутую ей руку, взялась за ручку тяжелой входной двери и уверенной походкой завсегдатая направилась в помещение широко известного в писательско-артистических кругах ресторана.

В полутемном зале было безлюдно и тихо. Таисия села за столик в углу и жестом пригласила Юлю занять кресло напротив.

– Здравствуй, Олежек, – улыбнулась Таисия подбежавшему официанту. – Мне как всегда – стейк с кровью, салат из рукколы и сок, давай сегодня томатный. А ты? – спросила, неожиданно перейдя на «ты» и оценивающе взглянув на

Юлю, видимо просчитывая, что может себе позволить эта молодая женщина, судя по ее одежде, сумке, обуви, косметике и манерам.

– Я только сок... Апельсиновый. Можно из пакета, – Юля хотела тоже заказать свой любимый, томатный, но внутренне содрогнулась, представив, что вдруг от него ее губы станут такими же «вампирскими».

Олежек, кивнув, исчез так же молниеносно, как и появился.

– Ну, излагай, – откинувшись на высокую спинку кресла, почти торжественно произнесла Таисия. – Да, прости, забыла твое имя.

– Юлия.

– И давай сразу договоримся – не называй меня Таисия. Для всех я – Туся. Мне так привычнее.

Гордина достала из крохотной сумочки сигарету, невероятной красоты и длины мундштук и с видимым наслаждением закурила. Юля с удивлением посмотрела на нее и огляделась по сторонам.

– Здесь можно. Мне можно, – не дожидаясь вопроса и делая ударение на слове «мне», загадочно проговорила Таисия. Было такое ощущение, что она уже входила в роль. А ролей у нее было уже очень много! Особенно учитывая то, что ее возраст невозможно было определить – то ли 18, то ли 45. Она играла королев и бомжих, строгих учительниц и отвязных старшекласниц, проституток и жен-домохозяек, деву-

шек из богемы и сварливых старух, иностранок и деревенских теток, актрис и официанток.

– Да-а, кого я только не играла, – задумчиво, не глядя на Юлю, сказала Таисия, – а вот на роль певицы меня приглашают впервые. Но, должна тебе сказать, что ты не ошиблась с выбором – прямо в точку. Близка она мне. И внешность – даже без грима – почти совпадает. Но петь так, как она – не смогу, признаюсь честно. Хотя в юности я пела, и очень неплохо.

– Петь и не придется, – радостно подхватила Юля. – В спектакле будет звучать фонограмма, ее живой голос. На Вас только текст!

– А что с декорациями?

– Я думаю обойтись минимумом – для создания камерной, интимной обстановки: на заднике будут чередоваться слайды – картинки с видами Парижа, на сцене – легкая полупрозрачная белая вуаль, как кулиса, из-за которой Вы будете выходить, кровать, стол, стул, зеркало и рояль. Ну, и всякие мелочи – цветы, книги, ноты, пластинки...

– И ты хочешь, – перебила девушку Таисия, – чтобы я одна тянула весь спектакль?

В голосе актрисы промелькнули одновременно удивление и радость.

– Да, конечно! В этом-то весь смысл и вся прелесть! – Юля была счастлива, что капризная, даже взбалмошная, по рассказам коллег, Гордина не послала ее сразу подальше, а на-

чала задавать конкретные вопросы. – Вы же знаете, что о ее жизни уже были сняты фильмы, поставлены спектакли. Но там была просто как бы проиллюстрирована ее биография. А у нас.., – Юля замялась, – а здесь я бы хотела сосредоточить внимание на ее чувствах, на ее песнях. Это должен быть музыкальный спектакль в своей основе – ведь каждое ее увлечение, каждый ее роман рождал новые эмоции и новые песни. Она выросла, старела, но...

– Ну, почему же сразу «старела»? – опять перебила Таисия. – До старости у нее еще много чего было!

– Нет, я не совсем то хотела сказать...

– А что? Что ты считаешь главным в этом спектакле?

От этого вопроса Юля совсем растерялась. Она так живо представляла себе все мизансцены, декорации, весь музыкальный ряд спектакля, всю его драматургию! Она отчетливо слышала внутренним слухом голос актрисы – Таисии Гординой, произносящей страстные монологи героини-певицы, в которых было так много разных эмоций – боли, радости, тревоги, любви, отчаяния, разочарования, трепета, надежды... Она твердо была уверена в том, что передать их все, все их оттенки сможет только она – ее любимая Таисия Гордина!..

– Так что? В чем идея постановки? – строгий голос Таисии прервал Юлины мысли.

– Знаете, Таисия, простите – Туся, я не готова ответить на этот вопрос сейчас...

– Но это же самое главное! На чем делаем акцент? О чем спектакль? О карьере или о любви?

В этот момент официант Олежек принес дымящийся стейк, поставил на столик салат и два бокала с соками.

– Спасибо, дорогой! – Гордина одарила молодого человека обворожительнейшей улыбкой.

– И? – обратилась к Юле. – Что первично? Куда развиваемся? Ты сама-то понимаешь – что ты хочешь сказать этим спектаклем? Зачем он? Для кого?

Юля дрожащей рукой взяла бокал с соком и сделала небольшой глоток, надеясь немного унять волнение.

– Туся, мне надо подумать. Я видела только Вас в этой роли и больше ни о чем не думала.

– А надо бы! – слегка снисходительно произнесла Таисия. – Давай так: ты несколько дней думаешь, потом звонишь, мы встречаемся и проговариваем все до мелочей: что, зачем, почему и как. Я тоже подумаю – представлю, что можно сделать из этой истории. Ты, кстати, текст принесла?

– Да. – Юля достала из сумки папку и нерешительно передала Таисии. – Там мои пометки – в какой момент включается фонограмма, какая песня звучит, как меняется свет на сцене...

– Разберусь, – отрезая кусочек стейка, буркнула Гордина. – Ну, все, до связи.

Юля встала.

– Приятного аппетита, Туся! Спасибо за уделенное вре-

мя...

Примерно через год Таисия Гордина позвонила Юле и пригласила на спектакль «Моя Эдит», в котором выступала режиссером и исполняла главную и единственную роль.

Я знаю

«Никто никуда с тобой не едет! И если даже у меня что-то изменится в жизни, я к тебе не вернусь. Ты это знаешь. Не пиши и не звони больше».

Смс пришло в середине рабочего дня – в 15. 27. Мало того – во время совещания. А во время совещания звук на телефонах у всех присутствующих – по распоряжению директора – должен быть отключен. И узнать о звонке или входящей смс можно, только заметив мигание дисплея.

«Никто никуда с тобой не едет!» – первая фраза открытой смс-ки застала меня врасплох: а я вроде никуда и не собиралась! Сказать, что я была в шоке – это ничего не сказать! Вторая фраза просто ввела меня в ступор – и «если», и «даже», и тем более «изменится в жизни» – что, и у кого что-то может в жизни измениться? А если говорится «если», то это значит все-таки возможно, что изменится. А если добавляется «даже» – то это как бы под сомнением, то есть по смыслу – «вдруг». И почему «не вернусь»? Что я такого сделала, чтобы со мной можно было так поступить? И почему такая уверенность, что я об этом «знаю»? Не знаю я ничего! Сердце колотится где-то в горле, не позволяя нормально дышать, и уже готово и оттуда выпрыгнуть и поскакать к тому, кто это написал. За что?! Почему я не имею права больше звонить и писать? Ну, хорошо – я почти не пишу. Но звонить-то

почему нельзя?!

Тысячи полу-сформулированных мыслей, десятки вариантов, сотни самообвинений... Но все-таки, куда я еду? И куда кого я пригласила? Может быть это в каком-то переносном смысле? – типа, «еду» – это направление моей жизни, или высказанной вслух мечты? Или я куда-то собиралась, но вдруг забыла? ЧТО?!

Совещание проходило мимо моего сознания (хорошо хоть не требовалось моего активного участия). Так, спокойно, говорю себе. «Никто» – это кто? Вообще никто, или это кто-то – так многозначительно – о себе? «Никуда» – это вообще никуда, или в конкретно-обозначенное место, но никогда? Окончательно запутавшись в вопросах, извиняюсь, прошу разрешения ответить на «очень важный звонок» и выхожу из кабинета.

Несколько глубоких вдохов-выдохов и пулей – на свое рабочее место. Так, не волноваться, все равно ТАМ уже все решено, судя по интонации, с которой написано смс. Еще раз перечитываю и пытаюсь себя успокоить. КТО? И почему именно сегодня? Как перед исповедью, вспоминаю, что делала не так: лукавила, откровенно врала, пила до беспамятства? Нет, не припоминаю. Логике не поддается.

А-а, да все просто – мошенники! Ждут, что я в панике позвоню на этот номер, и с моего счета спишут деньги! Не на ту напали! Ха-ха! Смотрим телевизор, читаем газетки! Кое-как утихомирив пульс и сердцебиение, подхожу к городско-

му телефону (а они-то, лохи, думали...надеялись! – фигушки!!). Набираю номер, с которого пришло смс, готовлюсь к пламенной речи, будучи уверена в том, что услышу говорок с определенными интонациями... Бесконечно-длинные гудки. И – совершенно неожиданно – тихий, жалобный, неуверенный девчачий голосок:

– Алло...

– Девушка, – после паузы говорю, – Вы несколько минут назад отправляли смс кому-нибудь?

– Да, – почти плача отвечает, – отправляла.

– Вы, наверное, ошиблись номером. Вернее, точно ошиблись – его получила я. А я никуда ни с кем не собираюсь ехать!

– Ой, простите! Это точно не Вам, – чувствую, что улыбаются сквозь слезы. – Извините.

– Да ладно, бывает. Не плачьте. Все будет хорошо.

– Спасибо Вам, – всхлипнула.

Возвращаюсь на последней минуте совещания. Извиняюсь, пробираюсь на свое место. Сердце еще стучит, но уже не выпрыгивает...

Я никого никуда с собой не зову...

Я буду писать. И звонить.

И если даже у тебя что-то изменится в жизни – ты все равно ко мне вернешься.

Я это знаю!

Пятьдесят восемь оттенков чёрного

Когда в течение дня носишь тёмные солнцезащитные очки, а вечером снимаешь их, остаётся ощущение, что ещё не закончился солнечный день. Если надеваешь очки на голову в ожидании солнца, то, даже сняв их, кажется, что они сдавливают голову.

Каждый человек уникален. Это – его заслуга, его беда, его вина, его способ существования, его способ выживания. Понять и принять уникальность другого – личное дело каждого: хочешь – не хочешь, можешь – не можешь. У каждого свой предел. Свой предел...

Иногда появляется непреодолимое желание упорядочить, разложить по полочкам и как-то объяснить если не всю свою жизнь, то хотя бы её основные моменты, влияющие на самочувствие и настроение, на реакцию и поведение, на восприятие тебя окружающими. Но главное – на выводы, оценки и принятие решений. Удивительно, но оценки и выводы приводят, подчас, к решениям, в корне противоречащим желаниям. И именно это несоответствие, эта несогласованность, даже противоестественность становится основой, базой для внутреннего состояния. Атрофия чувств, блокировка памяти, паралич мысли, неадекватность реакции, доведённые до

автоматизма движения. И уже хочется сменить тронную поступь на нищенскую походку, сделать прическу, заведомо не идущую к лицу или надеть чёрное в жаркий день.

Чёрное... У этого цвета множество оттенков. Чёрный – деловой, чёрный – вечерний, чёрный – безликий, чёрный – маскировочный, чёрный – траурный, чёрный – безнадёжный. Можно нумеровать и классифицировать, сравнивать и сопоставлять, нивелировать и возводить в степень, высвечивать и лакировать, но чёрный так и останется чёрным.

Чёрный день, чёрный год, чёрные мысли и воспоминания – осадком на сердце. Можно отреставрировать и обновить фасад, но не хочется жить в закопчённом и полуразрушенном доме. Приглашаю душу на званый ужин. На скатерти-смирении горбушка чувств и стопка со слезами...

Вдох – вздох. Физиология и эмоции. Но выдох – как итог: облегчение, успокоение, окончание цикла. Или начало?..

Хочется заснуть, свернувшись на подстилке из заботы, положив голову на подушку из счастья и укрыться покрывалом из нежности...

...Слушаю «Крейслериану».

Лом

– Привет! Это я.

– А это я!

– Рада, что это ты... У тебя лом есть?

– Что?!

– Ло-ом.

– Не понял... Какой лом?

– Простой. Железный. Острый. Тяжёлый.

– Ну и вопросыки у тебя накануне 8 марта! Зачем тебе лом-то?

– Лёд долбить.

– Где? На даче?

– Нет, около дома. Машина примёрзла.

– Ёп-тыть! Опять?

– Что «опять»? Зима «опять»? Опять! Слово какое дурацкое – «о-пять». Как грибы почти...

– Блин, какие грибы? Ты что, уже празднуешь?

– Что «празднуешь»? Праздник – завтра! А сегодня надо за продуктами в магазины. А машина примёрзла!

– Сколько же она стояла?!

– Да какая разница?! Месяц. А погода как менялась – то мороз, то тает всё.

– Что ж ты не ездила?

– Бензин сэкономила!

– А без машины нельзя за продуктами?

– Ну, могу же я себе праздник устроить? Женщиной себя почувствовать.

Чтобы не тащить всё на себе. Гости придут. Много всего получается.

– А твой – не поможет?

– Что – в магазины, или с ломом?

– С ломом в магазины, ха-ха!

– Ты не ответил на вопрос: лом у тебя есть?

– Нет, конечно, откуда? Да и зачем он мне? Стоп, у вас же рядом "Хозяйственный" – купите!

– Когда? Сегодня уже закрыто всё, а завтра – уже не успеть...

Хотела дворников найти, у них попросить, да тоже, видно, отдыхают уже...

– Не, ну, ты проблему из ничего создаёшь!

– Так. Всё. Я поняла. Пока!

– Что «пока», что «пока»?! А когда тебя поздравлять? Я завтра смогу часов в семь. Пока всех обзвоню с утра. Побреюсь. К семи, думаю, успею.

– Ну, давай, приезжай.

– Купить что-нибудь? По пути в магазин могу заехать.

– Купи... Лом.

Зануда

– Ну, с добрым утром!... Чего такая мрачная опять? Голова болит? Не выспалась? Опять за компьютером полночи сидела? И что высидела?..

Чё-то с утра и с тряпкой?... Гостей ждёшь? По какому поводу? Ну-ка, отойди, ты мне календарь загораживаешь! А-а-а, день рождения у тебя. Поздравляю! А если день рождения, почему тогда с тряпкой – ты?... В магазин пошёл? И то хорошо...

Улыбнись хотя бы в честь праздника! Чего морду кривишь?... Не нравишься себе? Почему тогда косметикой не пользуешься? Реснички подкрась, тени, румяна положи, помада вон дарёная стоит, пылится! Да свет включи, а то в глаз ткнёшь!... Лампочка перегорела? Вкрутить, конечно, некому... К окну подойди. Совсем скоро разучишься красоту наводить! И почему опять в чёрном? Чёрное только морщинки подчёркивает. Есть же светленькое что-то. Или ты только для фотографий выпендриваешься? Ведь выложила же на свой любимый сайт свою фотку в белом! И очень неплохо получилась! Правда, непонятно, почему поза такая странная – то ли взлететь собралась, то ли топиться... Что? Весь мир любишь?! А надпись на майке какая? Что означает “I need to be loved”?... Значит, тебя не любит никто?! И ты на весь мир эту фотку обнародовала? Позо-ор!!! Сегодня же смени!...

Ну, завтра... Да не лети ты так к телефону! Он уже третий раз по тумбочке елозит – всё с работы звонят. Что они тебе в выходной покоя не дают? Или ты от своего виртуала звонка ждёшь? Так поставь разные мелодии – не будешь лишний раз дёргаться. Не хочется тебе, конечно, настроение в такой день портить, но... не позвонит он, не надейся... Мало ли что «собирался»? Не обещал же! Да и обещаниям, сама знаешь, не слишком надо доверять. Вон, твой бывший, много чего обещал, и что сделал? Только ребёнка. Хотя это уже не мало..... Ну, ладно-ладно, «много». Не защищай! А пальто кожаное обещал купить? Купил? Не-ет... Как это – «не обещал»? Говорил же, что женщина в сорок пять смотрится в кожаном пальто не хуже, чем в двадцать пять?... Да, тогда он квартиру «одевал»: югославские обои, немецкие краны. Или наоборот. Помню. Но в сорок пять-то всё равно не купил! ...А, ну да, вы тогда уже не жили вместе. Ну, как говорится, вдогонку мог бы, для поддержания имиджа мужчины... Ммм, ты права, у пьющего мужчины имиджа уже нет. Всё, всё, умолкаю...

Что за музыка?... Опять Пьяццолла? Сколько ж можно его слушать? Не надоело? Опять тебя до слёз доведёт. Я уже обалдеваю: всё – одно сплошное «Libertango»! И скрипочки эти визжащие, контрабасы бухтящие – брррр!.... Это я-то не понимаю?! Кто бы говорил! Да я с тобой за все эти годы столько музыки понаслуш... – не перебивай старших! Давай лучше Вивальди! Или Шуберта. «Серенаду». Или повеселее

чего – праздник ведь у тебя! Рок-н-роллерчик какой-нибудь заведи, чтоб ритмично, чтоб убираться – как танцевать можно было! Легко и радостно! С чего уборку-то начнёшь? С полов?... Ха-ха, кстати, эпизод: мужик-то твой, вижу вчера, мелькает – то голова, то попа, то голова, то попа, думаю: полы моет! А он, оказывается, с собакой в мячик играет!.. Как это «не мужик»? А кто же?... «Му-уж»?! Не «муж»! Не спорь, я точность люблю во всём! Если в паспорте штампа нет, то и не «муж»!.. Кстати, о собаках. Я знаю, кто из них лужу на кухне ночью надул – младшая... Почему «не может быть»? Ты же спала! Ну, или за компьютером сидела – какая разница, всё равно же не видела!... «По размеру определила»?! Гм, ладно. Всё одно. А лужи надо вытирать сразу, а не газетками закладывать! Неуважение какое к прессе!

Ну, что-о-о такое! Сколько раз было говорено – не покупай ты эту дешёвую жидкость для стёкол! Аллергия у меня на неё! В прошлом году пена была такая... импортная, ароматная, пушистая, в желтом флакончике... На неё уже денег не хватает?... То-то, я смотрю, ты мужику своему каждое утро мелочь из кошелька отсчитываешь на дорогу. А он, между прочим, банку пива в шкафу спрятал! На что, спрашивается, купил?... «Сэкономил»?! Пешком ходил? Дура ты набитая! Вот когда у тебя мелочь закончится, что делать будешь? Нет, не понимаю я тебя... Да не вози ты так тряпкой остервенело! Вон уже в дверь звонят!»..

Я подмигиваю своему отражению, бросаю тряпку и бегу

встречать гостей.

Азбука женского счастья

– Алло!.. Привет! Куда пропала?

– Да работа замотала! Зато познакомилась с новым!

– Ну, понятно, как обычно. И кто на этот раз?

– Не поверишь!!! Полковник КГБ, в отставке. Я наконец-то поняла, что мне нужно для счастья!

– Что? Погоны?

– Не издевайся! Все эти хлюпики из интеллигентных семей с гуманитарным образованием и творческими наклонностями, с тонкими пальцами и вымученными улыбками...

– Подожди-подожди, но ещё совсем недавно ты говорила, что основной критерий для тебя при выборе мужика – его IQ, его парфюм и его кошелёк?

– Да! Это всё остаётся! Но почему ты думаешь, что полковник КГБ в отставке не умён, беден и не пользуется туалетной водой?!

– А ты его уже нюхала???

– Ещё нет. Мы познакомились на сайте знакомств. И нетрудно догадаться, что еще не встречались, два дня переписывались, вчера созвонились! А го-о-лос у него – прям Челентано!

– Он тебе пел?

– Ну, что ты всё ехидничаешь! Не буду рассказывать ничего!

– Да, ладно, не обижайся, настроение просто такое, у меня-то вообще всё никак...

– Не переживай, всё наладится! Ну, так вот: голос – пробирает до самой..., ну, ты понимаешь! И лицо такое – мужественное...

– Вы что, по скайпу общались?

– Балда, фотка-то его висит на сайте, я ж сразу на неё и среагировала! Подбородок волевой, глаза серые, взгляд – рентген!

– Как это?

– Чего непонятного? Полковник так и должен выглядеть – сильный, смелый, пронизательный! Всех насквозь видит...

– И тебя, значит, увидит. Не боишься?

– Когда он меня увидит, забудет как его зовут! Ты же знаешь, как я подготовлюсь! Массаж, маска, пилинг, спа-салон, маникюр-педикюр, причёска, бровки-реснички подкрашу, духами обольюсь, юбочку покороче, без белья – не женщина, мечта! А мечта – она бестелесная, на неё дышать страшно, не то, что рентгеном просвечивать!

– Ты – бестелесная? А твой размер одежды уже 42-й?

– Опять язвись! Не в размере дело, а в образе! Про размер ему надо беспокоиться!

– Ты еще не интересовалась? Странно, я думала, что это будет вопрос номер один при знакомстве...

– При личном. И не сразу, не в лоб. Посидим где-нибудь, поговорим, выпьем, потанцуем, а там уж я и без вопроса

определяю.

– Странно всё-таки! Ты – и военный...

– Он, во-первых, в отставке. Во-вторых, интеллект налицо: пишет, роман какой-то...

– Ага, о том, как в разведку ходил и в засаде сидел, да как предателей ловил-рассекречивал.

– Ты думаешь?

– Ну, не про любовь же! Или какие-нибудь шуточки казарменные вспоминает пошленькие. Кстати, как у него с чувством юмора?

– Пока не поняла. Повода для смеха не было. Я не давала.

– Так дашь скоро. Но это не должно быть смешно – юмор в сексе неуместен.

– Очень смешно!.. Я вот тут подумала и решила, что мне тоже надо что-то сочинить – типа новеллы, повести, на крайняк – рассказ. Ну, чтоб для поддержания разговора! Темы-то надо заранее придумать!

У меня родилась идея такая оригинальная, может, и денег заработаю – книгу написать, специально для женщин. Я уже и название придумала – «Азбука женского счастья». Ну, типа инструкции, что надо требовать от мужчин, чтобы стать счастливой.

– И ты это знаешь?! И молчишь?

– А то ты не знаешь!

– Ну, у каждой женщины своя «азбука»...

– Не-ет, дорогая, она общая! Одна на всех! Ты что дума-

ешь, кто-нибудь откажется от богатого, красивого и сильно-го? Или кому-то не нравятся щедрые, весёлые и предприимчивые мужики? Можно даже смириться с пьянками и выездами на охоту...

– На кого?

– Что «на кого»?

– Ну, охотиться на кого будет?

– Да какая разница! Охоты, рыбалки, бани, преферансы – это не так страшно, как кажется многим. Главное, чтобы всё остальное при нём было.

– А остального-то много? Что-то, мне кажется, и не остаётся уже ничего после преферанса!

– Вот для таких, как ты, я и напишу свою «Азбуку»! Кстати, твой-то как? Пьёт?

– Спит.

– С кем?

– Один. Кто с ним спать будет? Дур мало.

– Не скажи. Если всё пропил, тогда, может, и не будут. Хотя и такие найдутся. Но если после запоя хоть что-то осталось...

– Что ты имеешь в виду?

– Состояние и стояние!

– А-а-а, ты всё о том же!.. Ничего не осталось. И прежде всего – любви...

– На фиг любовь! Всему тебя учить нужно! Бери пример с меня: знакомишься в Интернете, пару дней на переписку, и

чтоб серьёзно так, но без жалоб на жизнь, а то подумает, что все тебя бросают, что мол, сама не заслужила хорошего отношения. Дальше – два дня на телефонные разговоры и смс, потом в ресторан, да сама выбирай, куда идти, покруче что-нибудь, проверишь, на что способен: какие цветочки принесёт, какие блюда закажет, во что одет будет. Сразу поймёшь, стоит ли дальше продолжать отношения. Время зря не трать, нет его у нас уже. Быстро нужно соображать и принимать решения, как действовать дальше.

– Не могу я действовать. И соображать не могу. От решений устала. Только что-нибудь решу, опять – «прости, в последний раз». А я знаю это его «прости» – не для того, чтобы простила, а чтобы ужином накормила, да рубашку постирала. Не могу больше...

– Вот и послушай меня внимательно, и запоминай. А, может, что и подскажешь – тоже ведь опыт есть, им делиться надо! Я, правда, не всё ещё придумала, но начало уже есть. А это самое главное в книге: только начали читать и сразу поняли, что – вот оно! – счастье-то близко! Не права я?

– Права, права, слушаю.

– Гм-гм.. Азбука женского счастья... У меня всё по алфавиту расписано, специально! Итак, «А» – Аккуратный. Абаятельный. Аптимистичный...

– Подожди, не «Аптимистичный», а «Оптимистичный»! И «Обаятельный». Эти слова пишутся с буквы «о»!

– Ну, я же читаю! А ты слушаешь! А на слух как раз –

«Абаятельный», «Аптимистичный»! Чего сразу цепляешься?

– Проще перенести эти необходимые для мужчины качества на букву «о», когда до неё дойдёшь...

– Ладно, не спорю. Но на «О» у меня другое задумано – «Обворожительный»! А? Как тебе? Слово такое....

головакружительное! Еще много, конечно, чего есть на эту букву, но давай по порядку. Так. «Б».

– Богатый. Какой же ещё для счастья нужен...

– Ты мужика своего так же перебиваешь? Поэтому он и запил!

– Нет. Он запил, потому что бедный. И беспринципный. И бесхарактерный. И жизнь у него бессмысленная. Болельщицкая.

– В каком смысле?

– Болеет он. Футболом. Маечки, шарфики, кричалки, слова дурацкие – фаер, карлик, голевой...

– Слава Богу! Я уж испугалась, думала, с головой что-то! Так-то он ведь здоровый был! Самое страшное – голова!

– Так, я как раз о голове и говорю! Кроме футбола – знать ничего не хочет. Разве не в голове дело?

– Забей! Ой, прости, это тоже, кажется, футбольное... Ну, продолжаем. «Г» – «Головастый».

– А где «В»?

– Какое «В»? Куда его?

– В «ж»!! Пропустила букву!

– Не морочь мне голову! А, да... «В» – Весёлый!

– Это ты уже говорила. Да и с тобой – не соскучишься!

– Я не реагирую. Дальше. «Г»...

– «Г» тоже было... И есть. Большинство из них – «г»...

– Может, сама продолжишь?

– Без проблем! «Д»: добрый, деловой, домовитый, деятельный, доброжелательный, добропорядочный, добросовестный...

– Хватит, хватит, умная больно! Делового уже достаточно для счастья! Дальше что? «Е»?

– Ну, здесь ты только с окончанием определись.

– Ха-ха! Окончание всегда одно!.. Так, «Ё» пропускаем. Теперь «Ж». Думаю пока... – трудная буква. У тебя есть мысли? Что на «Ж»?

– Желанный. По-моему, важно для полного счастья.

– Пусть будет. Ладно. «З». Заботливый! «И» – Интересный.

– Может, лучше – «Искренний»?

– Лучше и то, и другое! А мой гэбист интерес-есный! Вот увидишь – оценишь! Главное, чтоб неженатый оказался, а то в Инете проходимцев – тучи! Все предупреждают! Паспорт ведь сразу не спросишь, только после постели...

– Почему после постели?

– Как уснёт, так и посмотрю!

– Ты даё-ёшь! Не стыдно?

– А женатому не стыдно на сайте знакомств приключения

искать?

– Ты же не знаешь, женат он или нет.

– Вот и узнаю! Всё, проехали! Настроение мне только портишь!

Будешь дальше слушать?

– Куда ж я денусь? Читай!

– «К» – «кроткий» и «коварный»...

– Так бывает?! Коварный-то зачем нам для счастья?

– Да-а, наверное, не надо такого... На «Л» – «любезный»...

– Лучше – «любимый» и «ласковый»...

– Отлично! Вон, твой был ласковый, и любимым ты его называла, и что? Где они, эти ласки? И где любимый? На футболе?

– Спит, я же говорила...

– То-то и оно! Спит. Один. И ты одна! Нет уж, пусть будет просто «любезный». Это ж не надолго – полюбезничал и всего-то! Расставаться не так обидно! Ну, а на «М» – «молодой»! «Модный» – тоже пригодится! Мой-то, на фото смотрится ничего: рубашечка, жилеточка, джинсики – супер!

– А лет-то сколько?

– Кому?

– Тебе – я знаю! Ему!

– Ну-у-у, говорит, что 45. Но выглядит моложе.

– Тебя?

– Обидеть хочешь?

– Да Бог с тобой! Пошутила неудачно... Настроение такое... Давай дальше!

– Дальше я ещё не думала... А давай я тебя в соавторы возьму? Вдвоём как-то веселее работать! И гонорар поделим – тебе что, лишние деньги помешают?

– Нет, конечно... Но, боюсь, мои определения никому счастья не принесут – не смогу я научить женщин быть счастливыми. Как можно научить чему-то, если сама этого не знаешь?

– Да ладно, не прибедняйся! Мужик в доме есть? Есть! Ну, поспит немного, потом ведь проснётся! А ты ему слова добрые скажи, улыбнись, сделай вид, что всё хорошо, на футбол предложи сходить! Шарфик завяжи, маечку погладь, кричалку выучи – пусть идёт! А ты тем временем – в Интернет! На сайт знакомств! Неужели себе, умнице-красавице никого не присмотришь? А потом мы все вчетвером в ресторан! Погуди-им! А летом, может, на море нас свозят...

– погоди, а если они женаты?

– Так до лета времени уйма! Других найдём интернетиков! Хотя я и не успела на все буквы про счастье придумать, но самая главная буква для счастья, знаешь какая? Ни за что не догадаешься! «Я»!!! Подумай на досуге! Целую! Звони!

Чужая свадьба

– Ну, что же Вы, невеста, лицо закрыли? Сейчас фотографироваться будем.

Фотограф порхал вокруг новобрачных, суетливо перепрыгивал с одного места на другое, почти непрерывно щелкая фотоаппаратом. Жених, а точнее – уже муж, Сергей, гордо позировал перед камерой, держа в руке документ, подтверждающий его новый статус, а невеста – новоиспеченная супруга – все еще не решалась по какой-то причине поднять вуаль. Именно вуаль, а не привычную для всех и традиционную для подобного события, фату. Работники ЗАГСа – фотограф и две предпенсионного возраста тетки, одна из которых с красной лентой через плечо, произносившая только что пламенную речь о супружеском грядущем счастье, и вторая, видимо, ее помощница, чья роль в данном мероприятии была неопределённой, отказывались понимать причину – ведь какое разнообразие этих изделий представлено в свадебных салонах: и длинные, и короткие, и со шлейфом, что совсем уже никак не вяжется с нашими привычными свадебными церемониями в заведениях под названием ЗАГС – не в церкви же по проходу идти чинно, торжественно, в сопровождении нарядных подружек и детишек, которые несли бы этот самый шлейф... А тут – лицо закрыто, словно паранджу надела! Может, страшенькая? Или с дефектом каким? Ну,

ничего, сейчас шампанское вынесут, и, хочешь не хочешь, а вуаль поднимать придется – все замерли в ожидании.

И вот – торжественный момент: вынесли на подносе бокалы с шампанским. Одним легким движением невеста откинула с лица полупрозрачную ткань, и как ни в чем не бывало, улыбаясь, протянула руку и взяла предложенный ей женихом бокал. Ничего необычного в ее внешности не было – ни дефектов, ни родимых пятен, ни даже родинок. Все было на своих местах, и, вообще-то, ее можно даже было назвать симпатичной. Разочарованные загсовские дамы тут же потеряли к девушке интерес и демонстративно быстро стали собирать со стола, покрытого красной суконной скатертью, свои документы – эта пара, официально соединившая себя узами брака, была сегодня единственной в их небольшом городке.

Двое свидетелей, парень и девушка, держа в руках букеты, тоже взяли бокалы. Чокнулись, выпили, сфотографировались все вместе и по одному, и даже невеста с открытым лицом – к великому удовольствию штатного фотографа. Вышли быстро из ЗАГСа, сели в ожидавшую их машину. Бледно-салатовая «Волга» с шашечками на боках, взвизгнув на старте, запылила по центральной улице...

– У ближайшего магазина тормозни, – попросил водителя жених.

Местный магазинчик не поражал разнообразием ассортимента. Поэтому Серёга с другом Костиком, – двоюродным

братом невесты, которому сегодня была поручена почетная роль свидетеля жениха – долго там не задержались и очень скоро вышли с двумя сумками, отягощенными в основном спиртным: коньяком для мужчин и шампанским для женщин. Вся остальная снедь, она же – закуска, уместилась в третьей маленькой сумке-пакете: хлеб, сыр, лимон, конфеты «Столичные» (единственный сорт шоколадных конфет, имевшийся в магазине и не раскупленный по причине его дороговизны для местного населения) и яблоки.

На последний этаж Танюшкиного дома – одной из немногих в округе пятиэтажки – взлетели мигом. На лестничной площадке дежурила любопытная соседка: она утром, еще не было и девяти часов, какой ужас! – видела, как в квартиру тихой скромницы, ни разу не замеченной в компании с юношами девушки Тани, входили девушка и два молодых человека с букетами. Через некоторое время молодые люди вышли, с ними девушка в светлом, похожем на свадебное, платье, правда коротковатом и с едва заметным цветочным рисунком, но тоже с букетом в руках. То ли Танюша, то ли не она – лица под вуалью было не видно. «Уж не замуж ли Татьяна наша собралась? Да так неожиданно!», – подумала соседка, и уже представила, как она первая, придав лицу соответствующее выражение, сообщит эту сногшибательную новость подругам-соседкам на лавочке у подъезда. А потом и в магазине, в очереди! – неважно, что Танюшу не знают, главное-то – ее послушают! А в поликлинике! – еще больше

аудитория, да и времени побольше будет – вот счастье-то!.. Однако радость ее была недолгой – через несколько секунд из недр квартиры появилась сама хозяйка, в своем знакомом соседскому глазу скромном наряде – темно-синем платьице существенно ниже колена, погремела ключами в замке и стала спускаться по лестнице. Единственным ярким отличием от каждодневного облика Тани были цветы, которые она не очень ловко держала в руке. «Ой!», – только и смогла произнести пенсионерка. А вся компания, не давая женщине опомниться и полностью исключая возможность взглянуться в лица и что-либо понять, почти бегом преодолевала полуразрушенные ступеньки... Еще большее удивление вызвало у женщины возвращение всех участников действия спустя пару часов: парни, весело разговаривая, несли две больших сумки, в которых что-то позвякивало. Таня, тщательно изучая содержимое собственной сумочки, не спеша поднималась по лестнице третьей. Замыкала процессию невеста, которая на этот раз держала в руках все букеты, вынесенные из квартиры утром. Но именно невесту так и не удалось рассмотреть: «Ой!», – повторила соседка и, пытаясь во что бы то ни стало срочно разгадать тайну происходящего, робко поинтересовалась: «А кто ж это в фате-то странной – невеста что ль? А я думала, Татьяночка наша наконец решилась... замуж-то!». Танюша, покраснев от смущения и опустив голову, долго не попадая ключом в замок, вынуждена была ответить, но лишь на первую часть вопроса: «Да подру-

га моя...». Дверь за ними закрылась, а любопытство пенсионерки полностью удовлетворено так и не было...

... – На каток пойдёшь? – Серёжка спросил, как обычно – с надеждой в голосе. Светлана, учившаяся с ним с первого класса и знавшая все интонационные и эмоциональные оттенки его голоса, ответила без раздражения: «Пойду. Но через три часа – у меня музыкалка». В музыкальной школе они тоже учились вместе, однако индивидуальные занятия проходили в разные дни. И инструменты у них были разные: у нее – пианино, а у него – постоянно вызывавший у нее насмешку, баян. Ну, это же почти гармошка! А гармошка – это деревня. А с деревней у нее нет ничего общего! Но Серёжкина настойчивость все же дала результат: на каток они ходили почти регулярно – с третьего класса, с тех самых пор, как он признался ей в любви, а она, поджав губки, сообщила, что об этом им говорить еще рано. Так и договорились – на каток ходим, а о любви ни слова...

Школьные годы пролетели как один день. Вступительные экзамены в консерваторию сдавали в одно время, но в разных городах – она в Москве, а он – в Саратове, так как в Саратовской консерватории было отделение народных инструментов. К тому времени Серега со своим баяном, который он любил ничуть не меньше, чем Свету, объездил полстраны и наполучал на разных конкурсах кучу всяческих дипломов, медалей и наград. Играл он, действительно, так, что за душу брало даже скептически настроенную к этому неинтел-

лигентному инструменту Светку – она не раз слышала его игру на школьных концертах. Особенно ей нравились переложения органных произведений, например, Токкаты и фуги ре минор Баха. Закроешь глаза и слышишь именно орган, со всей его мощью, тембрами и тянущимися и переливающимися, как бы дрожащими, звуками! Да и народные песни звучали у него лихо – ноги сами собой притопывали в такт плясовым, а лирические, протяжные песни – вообще красота, повязать платочек, подпереть рукой щеку и, подпеть-подвыть, покачиваясь тихонько...

Учеба в консерватории начиналась в сентябре. А на оставшиеся летние месяцы Серёжка, как и всегда, поехал работать в пионерский лагерь – на зарядку поднимал мощнейшим звуком все отряды, у костра развлекал ленивых пионеров, кружок вел для немногочисленных желающих приобщиться к искусству, словом – предан был всецело и безраздельно своему инструменту.

Все пять лет Серёжиной учебы в консерватории прошли под девизом – учиться, учиться и еще раз учиться. Он совершенствовал мастерство, расширял репертуар, получал очередные медали и выслушивал хвалебные речи педагогов. В городок свой наведывался два раза в году – на зимние каникулы и на майские праздники. Зимой, как водится, бежали со Светкой на каток, а весной – гуляли допоздна по тихим улицам, слушали соловьев, нюхали сирень. И слова о любви, конечно же, произносились: Света честно призналась, что лю-

бит другого, но Серёжку очень ценит, как давнего, верного друга. В последний майский приезд Сергей сказал, что после Госэкзаменов ему придется ехать по распределению на три года неизвестно куда. А так хочется работать в своей бывшей школе! И, опять же, рядом со Светой...

...Свадьба удалась на славу! Музыка гремела, танцы вчетвером были куда более веселыми, изобретательными и зажигательными, чем это обычно бывает в ресторанах – здесь все свои, знают друг друга сто лет. К тому же трое из четверых – профессиональные, дипломированные музыканты, поэтому все песни, звучащие в этот вечер в сопровождении пианино, пелись в виде слаженного, грамотного трехголосия. Костик к музыкальному клану не относился, но, от природы имея вполне приличный слух, с удовольствием подпевал баском основную мелодию. Когда шампанское и коньяк были почти выпиты, было решено позвонить Ларисе, чтобы, наконец, рассказать, как все прошло. Она лежала с температурой 39, в квартире тетки в Москве, и просто не могла дожидаться подробного отчета о свадьбе. Трубку выхватывали друг у друга, хохоча, в лицах пересказывая впечатления о безразлично-ленивых тетках в ЗАГСе, о скачущем настырном фотографе, о любопытной соседке с лестничной клетки, о дружелюбном водителе, который за совсем смешные деньги согласился ждать их у ЗАГСа, заехать в магазин и привезти всех к Тане домой, о том, что он был вознагражден за терпение бутылкой коньяка и обещал выпить за счастье

молодых. Музыка почти перекрывала их голоса, а все ситуации, которые они описывали каждый на свой лад, прерываясь на полуфразе на смех и процесс наливания и выпивания очередной рюмки – ситуации с отсутствием на невесте фаты, но наличием вуали, сшитой ночью накануне из кухонной шторы, о ее платье в цветочек, из маминого гардероба, благо подходящем по размеру и цвету, о кольцах из дешевого желтого металла, купленных в магазине «Галантерея» лет 15 назад, провалявшихся в коробке из-под духов, но так вовремя пригодившихся и не вызвавших никаких подозрений даже у многоопытных загсовских сотрудниц – все это в их версиях выглядело почти анекдотически. Лариса смеялась, переспрашивала и снова смеялась. Наконец, попрощались, положили трубку, решив, что хватит с нее на сегодня, чего доброго, еще больше температура поднимется, и тогда уж – какая поездка в Сочи? Все разом вдруг почувствовали усталость и какое-то опустошение. Тихо убрали со стола, вымыли посуду, посидели, покурили и, пожелав Танюше «спокойной ночи», уже втроем, вышли из ее квартиры...

...Последняя встреча Сергея со Светой состоялась в начале июня. Он пришел к ней домой с букетом, бутылкой шампанского, бутылкой коньяка и, сев за наскоро приготовленный Светой стол, выпив залпом две подряд рюмки коньяка, признался, что собирается жениться на своей сокурснице Ларисе. Светлана поздравила его и согласилась стать свидетелем невесты на свадьбе.

Своим свидетелем он попросил быть Костю, который приехал из Германии в очередной краткосрочный отпуск и гостил у Светы. Свое решение жениться Сергей объяснил желанием вернуться в родной город после окончания консерватории, да и девушка Лариса хорошая, добрая, его любит, хозяйственная, таких сейчас мало. Регистрироваться надо быстро, а то распределение на носу, зашлют чёрт знает куда холостяка, да и ЗАГС наш работает только два раза в месяц. Заявление, честно, подано уже давно, и свадьба назначена на завтра. Ну, выпили по такому случаю шампанского, обнялись, поплакали – каждый о своём: он о том, что не со Светкой в ЗАГС идет, а она – о том, что ее любимый в армии, и до свадьбы как минимум целый год ждать...

Сергей ушел, а Света начала думать, в чем же идти на свадьбу. Хоть и не ревновала она к избраннице Серёги, но выглядеть хотела лучше, чем она, пусть и не видела ее никогда, узнала только из его рассказа, что она его ровесница, грузинка, правда никто не верит, так как волосы она красит в яркий белый цвет... Красное длинное платье подходило как нельзя лучше к этому случаю, и красные босоножки на нереально высокой шпильке придадут ей уверенность, сделают неотразимой и подарят лишние сантиметры роста – ведь не будет же Серёжкина невеста дылдой, сам-то он чуть выше Светы! Ну, прическу, понятно с утра сделать, так, духи французские, подаренные к окончанию консерватории родителями, за цветами Костик сгоняет, все вроде в порядке должно

быть...

Звонок в дверь раздался в половине двенадцатого ночи – Света пошла открывать. На пороге стоял Сергей. «Выручай», – выдохнул он и прошел на кухню...

...В восемь утра Света уже звонила своей давней подруге Танюшке. С ней они прошли вместе школу, музыкальное училище, консерваторию и, казалось, знали друг о друге всё. Однако, Таня, девушка по натуре скромная, боязливая и рассудительная, не всегда была согласна на Светкины авантюры – поехать, например, в Крым, не имея там знакомых, надеть одинаковые красивые и вызывающие платья на вечеринку, громко и от души пропеть на улице любимую песню, постричься коротко и выкрасить волосы в умопомрачительно-неестественный цвет. А тут – предложение быть свидетелем на свадьбе у Серёжки, да она не готова совсем, не причесана по такому торжественному случаю, платья подходящего нет, да и вообще – слишком рано еще – только восемь. Не принимая никаких возражений, Светка железным тоном оповещает, что они с Костей уже выходят из дома, зайдут за Серёжкой, поймут машину, и чтобы через час она была готова – регистрация назначена на десять...

Танюху уговаривали втроем недолго – она поняла, что ее сопротивление будет сломлено, а такие аргументы как «ты что, хочешь, чтобы Серегу на Север на три года заслали?!» и «мы же его с семи лет знаем!» – стали решающими. Вышли из квартиры – все с цветами, возбужденные и неразговор-

чивые. На лестнице встретила соседка-пенсионерка, мусор выносила, не спится ей в такую рань! – проводила их удивленным взглядом, а Танюшка наша совсем расстроилась – боялась, что на расспросы отвечать придется...

До ЗАГСа домчались на раздолбанной колымаге «Волге» за пять минут. Но и за эти пять минут водитель успел поинтересоваться – «Чё ж, невеста лицо-то закрыла?» – но ответа вразумительного не удостоился, с нервным хихиканьем Серёжка отшучивался – мол, мода теперь такая.

В ЗАГСе под заезженную пластинку с Маршем Менделсона подошли к столу, выслушали покорно торжественную речь, расписались все где положено и как положено, Сергей получил корочку – «Свидетельство о браке», не целовались, так как кто-то ввел постановление – на уровне закона – не разрешать целоваться принародно в государственных заведениях!, выпили шампанского, предварительно уговорив невесту поднять вуаль с лица, удовлетворили фотографа и довольные спустились вниз по неровным ступенькам. Вышли. Танюшка тряслась вся, то ли от важности момента, то ли от холода. Сергей явно был доволен. Костик, предвкушая застолье, потирал руки. Невеста снова набросила вуаль на лицо. Так и сели в машину...

... Лариса лежала под двумя одеялами и никак не могла согреться. Температура все держалась, кашель замучил, горло саднило, была сильная слабость. Тетка крутилась вокруг ее постели и непрерывно что-то предлагала – то по-

пить, то поесть, то поспать. Но ничего не хотелось. Свадебное роскошное платье висело на вешалке в шкафу, фата из невесомой полупрозрачной ткани понуро свисала со спинки стула, туфли – белоснежные, с золотой пряжкой стояли в открытой коробке около стола, а аккуратненькая красная бархатная коробочка с обручальным кольцом – дорогим, фамильным, с малюсеньким элегантным бриллиантом – лежала под подушкой. Лариса ждала звонка. И вот, наконец, на другом конце провода она услышала знакомый и такой родной голос: «Лорик! Поздравляю! Мы с тобой женаты! Свидетельство у меня в руке! Все отлично прошло! » Потом, видимо, кто-то выхватил из рук трубку и сквозь доносившуюся издалека знакомую и любимую песню Beatles «Girl» зазвучали наперебой два женских и один мужской голос, абсолютно незнакомые, но очень дружелюбные и веселые – «Поправляйся, а то в Сочи тоже без тебя поедем!». И опять он – «Завтра подробно расскажу!». Лариса положила трубку и заплакала...

...Через три года Лариса и Сергей развелись...

Бремя желаний

...И опять «хочу». Мое дурацкое, постоянное «хочу». Нанизывается бусинками желаний на гнилую нитку жизни. Столько случайностей, столько разнообразия и многовариантности: ругани в очередях, обвинений в транспорте, сплетен на работе, событий в мире и предчувствованной тоски дома. Предсказанные слова и предвиденные взгляды. А за ними, а в них, и через них, и мимо них – отшлифованные и сформулированные, проверенные временем и определённые местом – желания-хотения, до тоски, до боли, до комка в горле, а иногда и – чистой слезы. Искренней. Выстраданной. Перегоревшей. Отфильтрованной. Но совершенно бездумной. Нет – непродуманной. Для кого-то необоснованной.

Просто: хочу вместо связки – один ключ, вместо теленовостей куда-ни-ткни – один хороший фильм, вместо супа из «кубиков» – кусок вареного мяса, вместо... Да всё надо «вместо»! Сны – в явь, явь – в сон. И чтобы забыть к расвету. Просто – подыхаю! От незнания, неумения, неведения, неготовности, неприспособленности, или – нежелания всего этого. Сломался браслет – часы сняла, пошатнулась вера – пытаюсь восстановить, исчезло чувство – не могу воскресить. Душа от тела при жизни отделилась. Чувство долга – слишком долго! И нудно. И – кому нужно? Мне самой, наверное, уже не разобраться, не размотать этот клубок с

узелками воспоминаний, надежд, интересов, желаний, финансов, привычек и удобств. Жалость и раздражение, желание и привычка, обязанность и ответственность... Тембр голоса волнует, а словам не верю. Верю словам, а все остальное оставляет безразличной...

Молюсь... Господи! Вразуми, научи, помоги... С каждым днем всё больше путаница. С каждым часом всё меньше уверенности в том, что делаю правильно. И – постоянный страх – кары. Не через себя. Но для себя. Прячусь. Изолируюсь. Изображаю. Изобретаю. От. Что-то. Для кого-то. И – себя тоже. Хочется растрагиться до последней капли. Но чтобы это было кому-нибудь нужно. Всех люблю, всем всё прощаю, ни на кого не держу зла, никому не завидую. Только не всех понимаю. Но учить не буду. Сетовать не стану. Устала... Отказалась от красного атласного халата разорившейся дворянки: без претензий, но – с запросами. Без амбиций, но – с врожденным чувством СОБСТВЕННОГО. Достоинства. Мнения. Желания. Бунтует кровь дворянская. Предки из духовенства – призывают к смирению. Не знаю, что сильнее. Что больше мешает в жизни? Приглашаю всех в свидетели и в судьи. И объясняю – по-другому – не могу! Сколько долгов, сколько авантюр, сколько преступлений против совести, морали и Бога! А как хочется жить честно, не раскаиваясь поминутно, не кривя душой, не извиняясь мысленно. Не предавая других и себя!

...Выдуманный адрес, придуманная квартира, нарисован-

ное лицо, заимствованные мысли, усвоенные привычки, воспитанные вкусы, запрятанные чувства и несказанные слова. Это кто? Уже – не я. Организм. Организованный. Прирученный. Культивированный. Изученный. Знакомо-типично-привычный. С чем всех и поздравляю! Облегчаю задачу. Свою к минимуму затраты. Энергии и валюты. Готова услышать вздох облегчения и слова благодарности. Но – не надейтесь на стабильность ситуации. Это лишь временное затишье. Обманчивый покой. Вот – ничем не приметная книга, с ничего не говорящим названием. Вот пустой, по сути, фильм. Вот знакомая, не вызывающая никаких эмоций, мелодия. Вот – снег с утра. А это – грязная рубашка. Это – не закрытая дверца шкафа. Здесь – упавшее на пол мыло. И – привет-прощай! Так мало надо. И так много нужно! Все так незначительно. И так важно. Моя свекровь собиралась поставить мне памятник при жизни. За мое терпение. Я сама себе его поставила. Он – ориентир. Напоминание. Но я сама же, периодически подкладываю под его основу взрывное устройство. Разрушаю и снова – строю. Чтобы было куда идти, на что смотреть, что вспомнить, на что опереться, чем похвастаться. Слава мне! От меня – слова. Или молчание. Иногда – ничего не значащее. Порой – многообещающее. Кто поймет – кто услышит – тот получит. Слова – в спор. Молчание – в согласие. Или наоборот. Как хочется. Как почувствуется. Как получится...

Наливая водку в Pepsi

...Уже месяц, как я не ЖИВУ – УЖИВАЮСЬ. Я сдерживаюсь. Молчу, отмалчиваюсь, терплю. Или лежу, или – развиваю бурную; никому не нужную деятельность по вбиванию новых гвоздей и пересмотру старых вещей. В результате – горы окурков и пустых бутылок. В результате – плохо скрываемое раздражение и бесконечное, нереальное желание одиночества – хотя бы на несколько часов. Открываю холодильник – стандартный набор продуктов, которые уже не лезут в горло; смотрю на книжную полку – все, что хотелось – уже прочитано, достаю аудиокассеты – любимые – Каас, ДДТ, Шуфутинский, Sting, Wonder, АВВА – не хочется, видео – не надо. Кто распоряжается моими глазами и ушами? Кто владеет моими мыслями и телом? Кто способен изменить мои вкусы и утолить жажду? Как себя чувствует человек, когда через каждые три метра – телевизоры на полную мощность, а в кошельке – на полбуханки черного?

...Искренне завидую красавице Дашеньке – Мисс, журналистке, дочке члена Союза писателей, да и просто некомпликующей женщине, рассказавшей без прикрас о своих походах и похождениях, не стесняясь собственного мужа, людей известных и неизвестных читателей. Что ее записки без компромата? – газетные очерки. Что ее газетные очерки без имен? – даже фамилию автора в конце лениво прочи-

тать. И уж, тем более, запомнить. Давай уж сразу: риск, экзотика, цветное фото, грязное белье, да с анализом спермы впридачу. Вот тогда – успех! Вот тогда – скандал! Вот тогда – толстая книга с собственным красивым личиком на обложке, да за немалые деньги! И не беда, что люди скомпрометированы, а муж – обескуражен, что друзья недвусмысленно ухмыляются, а женщины в метро, читающие про «дрянную девчонку», стыдливо прикрывают страницы проездным билетом или старой открыткой. Молодец, Дашка! Только красивая и уверенная женщина может себе такое позволить. Завидую!

Начитавшись «сумасшедшей» литературы – захотела быть «нормальной». Беспристрастной, беспроблемной, безжеланной. И тут узнаю, что мрачнейший Сорокин в не очень даже популярном провинциальном книжном раскупается по 20 экземпляров в день. Что бы это значило? Откуда узнали? Неужели нравится?! Значит, это кому-то нужно? Понятно? Близко? Ну, и кому тогда нужна моя «нормальность»? Пусть будет роль. Но когда же антракт и уход домой?..

...Жаль, что дверь изнутри не запирается – никому не приходит в голову постучаться. А, может быть, так и надо? Зачем условности? Весь мир – одна семья. Но почему-то все смотрят разные программы, читают разную литературу, выражают разные мысли, но зато покупают одинаковую водку и помидоры, желательно по минимальным ценам! А я все потрачу на новые мочалки и жидкость для мытья посуды с за-

пахом лимона и киви. Ну, может быть, еще на колготки. Или на ликер Cointreau, равный по стоимости девяти бутылкам «Русской». А хочется! Нравится просто! Приятно. И красиво. И себя чуть-чуть больше уважаешь. А продавцы смотрят с недоумением на полурванный пакет, в который я кладу небрежно (как будто делаю это каждый день) этот самый Cointreau.

Да! Живу – не по средствам. Хочу – не по возрасту. Могу – не по желанию. Вижу – не по ситуации. Таскаю с квартиры на квартиру четыре любимых книги – две про слепых, одну про алкаша, брошенного любимой женой, и одну – про сумасшедшего, вернее, про нормального, которого считали сумасшедшим, и который иногда им прикидывался. А из двух слепых – один тоже притворялся. Наверное, это удобно. А главное – с лишними расспросами никто не лезет. Какой смысл?. Слепой – он и есть слепой...

Откуда-то из глубины, из нутра поднимается злость. Злоба. Булькает, иногда взбрызнет лопнувшим пузырьком, плеснет гнусным кипяточком в голову, задергает сердце и – отпустит. Но запах злости остается. И еле заметный черный след на языке...

Чему можно научить мужика за год? Есть вилкой с ножом, пользоваться носовым платком и мыть руки после туалета. Чему можно научить женщину, которая «учит» этого мужика? Не замечать пролитого на рубашку кофе, не слышать звона разбитой чашки и не видеть разбросанных во всех воз-

можных местах грязных носков, газет и сигарет. Не много. Да и стоит ли учить? Ну, ХО-ЧУ я быть смиренной! Смирной. Смирившейся. ХОЧУ! – Не могу. Постоянно – не могу!

...Зачем вспомнилось тело на развалинах любви? Давно не любимое никем. Не ласканное. Не целованное. Такое знакомое, такое несчастное. Ничье. Худое, бледное, и, как будто уже – неумелое. Но такое родное! Руки вспомнили. Запах вспомнился. Поцелуи – с легким привкусом спиртного и сигарет, с легким ароматом One Man Show. С ощущением горячего внутри. Но – без слез. Без истерики. Без слов раскаяния и обещаний. Потому что это было утро после почти бессонной ночи. И непонятно – было ли что-то на самом деле... Нет, не было...

Пора открывать свое дело: ИЧП – «И Часто Приходится» – «ЦИРК». Уже отработано много номеров: жонглирование тарелками, фокусы с купюрами, дрессированные собачки, акробатические этюды в постели, енот-полоскун, пантомима – в течение суток, униформа – в любую погоду. И масса чего другого-разного-любопытного. И посмеяться, и поудивляться, и поохать...

Дайте мне миллион! Всего-то! Для реализации дурацкого женского каприза. Нет, не на шубу и машину. На книгу. Учитывая интерес и любовь нашей публики к интимной жизни – чужой – пусть даже не знакомого человека – можно было бы на этом сыграть, и издать. Минимум тысячу экземпляров. Можно в мягкой обложке. И – вот оно! Утоленное тщесла-

вие! А продавать – в электричках, в нагрузку к газетам.

...Контролирую всех и теряю контроль над собой. Срываюсь, говорю гадости, грубости и пошлости. Обижаю близких и не очень. Сожалею. Но через час – новый виток: сказала – обидела – пожалела.. И почему-то никто не жалеет меня – как надо... Опять в темноте, на диване наподобие топчана, под одеялом, с теми же словами, в той же последовательности, теми же приемами. Ну, почитай ты литературу, великий народный умелец! Ну, фильм посмотри! Оторвись от правды жизни! И не буду я покупать баснословно-дорогое белье и съедобные трусики весом два грамма со вкусом банана! Банан должен быть настоящим! А белье в темноте все равно не разглядеть. И уж, тем более – не оценить. Меня – в нем. И не буду говорить томным голосом и изобретать и изображать сексуальные позы – не в кино! Да и Вы – не Микки Рурк! Вот где настоящий мазохизм! А то – кожа, плетки, кнопки, шипы, браслеты! Тьфу!

...Как хочется, чтобы тебя послушали и услышали! Очень странно и как-то даже глупо, что свои-то и не слышат... Есть у нас психоаналитики, которые определяют характер человека по тому, как он выбрасывает мусор в ведро, каким ножом отрезает хлеб и закрывает ли дверь в ванную, когда умывается? Очень бы хотелось воспользоваться профессиональным советом. Хотя многое мне уже предсказали. Рассказали. Объяснили. Убедили и успокоили. Подготовили к ... Якутский наследный шаман в купе поезда Москва-Сочи,

еще до появления ребенка, сказал, что ребенок будет только один – сын; дорогая астрологиня с Комсомольского проспекта убеждала, что с мужем никогда не разведусь, и что никогда у меня не будет собственного дома (со всеми вытекающими), телефонная ясновидящая уверяла, что человек, которого я любила, никогда меня не бросит (возможно, мы до старости будем перезваниваться), мудрые знакомые предупреждали – мол, живу не так!. А я вот ТАК и ЖИВУ. И жива. Без дома, с отметкой в паспорте, раз пять в году общаюсь по телефону с бывшим возлюбленным. И живу совсем НЕ ТАК. Но – ТАК, как умею. Как получается. Как приспособлюсь. Наливая втихаря водку в «Пепси» и выходя к ужину чуть веселее, чем к завтраку...

Осень

...Никак не удастся достичь нужного градуса: для работы для творчества, для забытья. От Absolut'a – дурь, от Mary Brizard – сон, от Spumante – слезы. Пробовала менять дозу, разнообразить закуску, смешивать в различных пропорциях и даже – наливать в разную посуду и регулировать освещение. Ан, нет! Застопорило. Не заводится. Идеи носятся в голове, как пыль в ветреную погоду, и оседают грязью на сердце...

...Год промчался как один день! В чужом доме, в чужой квартире, с чужими тараканами. Но я ощущаю ее своей: оттираю каждую капельку на кафеле, украшаю цветами, покупаю всякие кухонные мелочи. Могу полдня ходить из комнаты в кухню, любовно оглядывая каждый сантиметр, переставлять книги в единственной полке и разравнивать еле заметные складки на оконных шторах. Зачем?.. Все равно – не мое. Я уже вижу, отчетливо представляю себе тот день, когда придется свалить в коробку дюжину любимых французских тарелок, принесенных из «собственной» квартиры, два десятка видеокассет, собачьи миски и – отправляться восвояси, то бишь по месту прописки. Но как расстаться с покоем, который я обрела здесь, рядом с человеком, который давал мне любовь, окружал заботой, выслушивал, утешал, лечил, помогал, терпел, а, может быть, и не замечал все мои капри-

зы! Я жила целый год за двумя каменными стенами, одной из которых был он. Хотя – не стоит говорить о чувствах. Их надо пережить. И запомнить. Оставить в себе, как прививку против дальнейших неизбежных встрясок. Но надолго ли хватит?..

...Утром прохладно, но осеннее солнце на ярко-голубом небе не дает забыть о лете. Смирившиеся с календарем напяливают на себя куртки и сапоги, а те, кто ни в какую не хочет расставаться с отпускными ощущениями – гордо вышагивают в майках и шортах. Красно-желтые листья лежат на дорожках парка, серые шарики репейника гроздьями цепляются за собачью шерсть, на каждом шагу – арбузные корки, россыпи банановых шкурок и пустых пивных банок... Почему-то вспомнился юг. Крым. Кавказ. Азовское море. В ранний час – поход на рынок, на пляж. То же ощущение скоротечности лета, счастья, жизни... Легла на траву. Закрыла глаза... Несколько лет назад приятельница, с которой я уже рассталась, обидевшись на то, что она заснула во время нашего телефонного разговора, когда я эмоционально и предельно откровенно рассказывала ей о своих переживаниях, говорила мне, что в один из незабываемо красивых дней бабьего лета, накануне своего дня рождения, она шла по парку и расплакалась, подумав о возрасте, обо всех несбывшихся мечтах и о тех семейно-бытовых неурядицах, которые лишили ее возможности видеть и воспринимать всю эту красоту... «Ну, как можно этого не заметить!», – думала я,.. а собака

слизывала слёзы с моей щеки...

Октябрь. Неотправленное письмо

К сожалению, письмо адресовать некому. Нет такого человека, который бы понял – не по-своему, а так, как чувствую и ощущаю я – и принял, и полюбил, пожалел, защитил меня от себя самой.

...Мать, жена, дочь, внучка, подруга, знакомая, приятельница, любовница, абонент, женщина – хотя, возможно, порядок не тот. Если по времени, которое уделяется той или иной роли, то так: мать, приятельница, подруга, жена, знакомая, женщина, дочь, абонент, любовница, внучка. А если по количеству размышлений на тему о.., то несколько иначе: любовница, мать, подруга, знакомая, приятельница, женщина, дочь, внучка, жена, абонент. И ничего не возможно с этим порядком поделать. Не в моей власти. Каждый волен выстроить этот ряд по-своему...

Не читается, не думается... Тупею и теряю способность анализировать трезво и объективно. Все мысли сводятся к одному: как вернуть прошлое, как быть или стать той, которая нравится (или нравилась), которая вызывала (или вызывает) желание?..

Ни минуты не проходит без воспоминаний. До мелочей – по дням, по числам, по часам... Раннее утро. Вот мы выходим из машины, решили зайти на рынок. Он крепко целует меня в губы на глазах у всей «предрыночной» публики.

Другое утро: я взбегаю, запыхавшись, по лестнице на пятый этаж, звоню, озираясь по сторонам, так как боюсь быть замеченной кем-то из соседей, он открывает дверь, в своем традиционном махровом халате, хватает на руки и кружит меня в крошечной прихожей своей квартиры. И нет конца ласкам, объятиям и поцелуям. Я – сладкая, я – прелесть, я – Бог знает кто и какая я еще! Мне так хорошо, так счастливо, так уверенно, так сумасшедше-щемяще-сладко-страшно! И никогда, ни за что, ни на что я бы не променяла эти мгновения!

Помню почти дословно все его рассказы: пустячные истории, или серьезные и искренние пересказы событий, которые когда-то оставили глубокий след в его душе. В его израненной, истерзанной и одинокой, в сущности, душе. Боже, как я люблю и жалею его! Не смотря ни на что!..

А что теперь? Что у меня есть? Что связывает нас? Что его пока удерживает около меня (очень условно)? Все слова, жесты, выражение глаз, телефонные звонки – зачем? Не верю ничему. Это как подаяние, это – большее унижение, чем просить милостыню, потому что, когда нет денег и ты их просишь – это более понятно, чем, когда ты выклянчиваешь чувство, даже не чувство, а символ любви. Или я совершенно не разбираюсь в людях, или я запуталась в самой себе, или он уже так далек от меня, что нет надежды на возвращение...

Да, ясновидящая, от которой я добивалась ответа на вопрос, не бросит ли он меня, уверяла, что – нет. И что в ее понимании означало «бросить»? А что – в моем?

Вспоминаю, как зимой я вылезала из окна своей квартиры, когда сломался дверной замок, чтобы успеть к тебе, как буквально летела через всю Москву с тяжелой сумкой, нагруженной «обедом» для тебя. Я готовила тебе любимые блюда, какими не баловала свою семью, покупала платья, цена которых мне была не по карману, чтобы понравиться тебе. Я обманывала мужа и родителей, бросала ребенка, сговаривалась с подругами – все лишь для того, чтобы увидеть тебя, чтобы ощутить на несколько часов тепло твоего тела, услышать колдовские звуки твоего голоса, испытать магию твоих чар. А ты не прикладывал для этого никаких усилий – ты был самым собой – капризным ребенком, самодовольным мужчиной, ненасытным, а, порой, жестоким любовником.

Господи, за что мне все это? Я, как сумасшедшая, хватаю телефонную трубку после первого же звонка, я, еще не поднеся ее к уху, слышу твой голос – а он оказывается чужим. Я каждый день драю полы и ставлю цветы в вазы, готовлю праздничные обеды и выбираю из нехитрого моего гардероба подходящий твоему визиту наряд, я боюсь задержаться в магазине, чтобы, не дай Бог, не пропустить твоего звонка, я пишу тебе мысленно письма, я выбираю тебе подарки, я смотрю на номера машин, звоню тебе по десять раз в день, пытаюсь догадаться, где и с кем ты можешь быть в это время! Я становлюсь неврастеничкой и алкоголичкой! Боюсь взорваться, сорваться на ни в чем не повинных людей. Хочу успокоиться, замедлить течение мыслей и уснуть. Как я жа-

лею, что ты не получил тех писем, что я посылала тебе, и, которые, по иронии судьбы, я получила сама! И сожгла!. А, может быть, и к лучшему. Ты ведь и так знаешь, как я люблю тебя, а там, в каждой фразе, (хоть все они были далеки от «излияний»), читалось только одно. Что, по-видимому, уже так надоело тебе.

Милый мой, любимый, я опять обращаюсь к тебе, ведь это единственный способ поговорить с тобой. Ну, я не знаю, КАКОЙ надо быть, чтобы забрать в плен твое сердце надолго! Навсегда. Что я сделала не так, чем не угодила, чем испортила?

Помнишь, как изобретателен ты был, когда хотел увезти меня из дома? Казалось, невозможного просто не существует! Помнишь, как мы пели, гуляя по ночным зимним улицам, как перевозили вещи на твою новую квартиру, а хозяйка давала нам советы, как обставить ее, обращаясь к нам обоим; как фотограф, который снимал мою собаку, принял тебя за моего мужа; как танцевали в ресторане, как ты пил шампанское с моей ладони... Боже, сколько всего я могу еще вспомнить! И сколько всего могу тебе простить! И по отношению ко мне (хотя ты и не по злему умыслу обижаешь меня), и по отношению к моим чувствам к тебе (они ведь тоже подвергаются осмеянию и оскорблению). И к моим нравственным и жизненным принципам. Теперь я начинаю сомневаться, есть ли они вообще у меня? Я приняла все твои условия, я согласна на все, лишь бы ты не бросил меня! Я готова быть

второй, пятой, десятой, пятьдесят пятой, но только, чтобы надеяться на то, что ты не бросишь меня совсем. И готова повторить это еще тысячу раз!

Февраль. Неотправленное письмо

...И как всегда, в самые трудные минуты, я пишу письмо. Вернее, письма. Их было много в моей жизни: отправленных по почте и переданных прямо в руки адресату, и – неотправленных – вещественных знаков невещественных отношений. Писем, написанных на одном дыхании – неровным почерком, с зачеркнутыми словами и фразами, и – тщательно и любовно переписанных не один раз...

И вот теперь, помня твои слова: «Может быть, ты мне еще и письма будешь писать?», слова, которые звучат самым точным эпиграфом ко всем нашим – я даже не могу назвать их отношениями – ко всем нашим встречам – нет, не встречаю, скорее – свиданиям (хотя тоже уж слишком романтично!) – ко всем нашим дням, часам, минутам, проведенным вместе – я все-таки пишу. Не письмо. Не объяснение в любви. Послание? Нет. Объяснительную записку. Как провинившаяся школьница, которая не знает, в чем ее вина и перед кем, но пишет. Разница лишь в том, что у нее есть конкретное лицо, заставившее ее это сделать, а у меня это «лицо» – мое собственное, растерянное и заплаканное, а, может быть, твое – отсутствующее и чужое, насмешливое и непостижимое в своем равнодушии. Но... Тысячу раз «но» – такое восхитительно-желанное и любимое! Ты не прячешь его от меня, как не прячешь и от других, и я чувствую себя любой ДРУГОЙ,

которая ничего не знает о тебе, и ничего не узнает, если этого не захочешь ты сам. А ты не хочешь... Что мое желание против твоего нежелания? Что моя слабость против твоей силы? Что моя жалость против твоей решимости, и мои слова против твоего молчания?! Где та черта, которую я переступила, а, оглянувшись, не увидела? Где та грань, за которую мне уже не позволено? Тобой. Твоим молчанием.

Это – последний всплеск доверия и откровения.

Телефон. Семь магических цифр. Я накручиваю диск, и с каждой цифрой волны трепета и желания, любви и страха, парализующие мой мозг и язык, поднимаются во мне. Стоп, тормоз, и вместо «милый» говорю «привет», вместо «люблю» – «как дела?», вместо «жду» – «пока!». Да, не следует под все минутные порывы и проявления чувств «подкладывать словесную основу» (это ты сказал). Но ведь для того и дан человеку язык, чтобы объяснить, убедить, поведать, утешить и даже – солгать. Да, слова лгут, но я жду этой лжи, так как правда, молчаливая, и потому – особенно реально-горькая, так страшна, так обидна, а, порой, жестока. Дай мне еще немного пожить в сладком обмане! Ведь и я сама себя обманывала, сначала случайно, а теперь – умышленно. Устала от правды, не хочу истины! Ты говоришь, что правда бывает разная: для одних – одна, для других – другая. А для меня?..

Нахожусь в наркотическом дурмане воспоминаний... Спасибо за те часы, которые теперь кажутся мгновениями (а, может быть, их вообще не было?) – я уже давно не была так

счастлива. А теперь я уже ничего не хочу, ибо ничему не верю. И никому. Так как все либо лгут, что «чувствуют», либо чувствуют, что лгут, и, не желая лгать, говорят ТАКУЮ ПРАВДУ!, что лучше бы уж молчали, как это вдохновенно и непревзойденно делаешь ты. Не надо, не говори ничего, я по твоему дыханию обо всем догадаюсь...

Господи, сколько бы я могла тебе сказать! Ведь у меня хватит слов, чтобы рассказать, как я чувствую и что я чувствую... Нет, не слушай меня! Жизнь идет, меняется погода, настроение, внутреннее состояние, ощущения, отвлекают дела, встречи, бездарные разговоры, телефонные звонки... Милый, любимый и недоступный, только услышь меня, это же совсем не трудно, это же очень приятно и лестно – услышать о себе, что в тебе – ВСЁ! Сколько раз тебе это говорили? Я знаю, что их тех трех качеств, которые ты считаешь необходимыми для женщины – красота, ум и доброта – я обладаю лишь одним, и оно, к сожалению, никогда не займет в твоей душе, в твоих глазах и в твоём сердце того места, которое необходимо мне, но знай, что ... Хотя, впрочем, тебе этого не надо...

Или я думаю о тебе слишком хорошо, или чересчур плохо. Или твоя пронизательность неподвластна моей интуиции, или твое бездушие, естественно или напускное, никак не укладывается в моем сознании!

Все помню – до вздоха, до взгляда! Никогда в жизни ни от кого не испытывала таких унижений! А сейчас, это – как

наслаждение. Мазохизм какой-то! Но я не отказываюсь от этого! Пусть! Так мне и надо! Мне это приятно! Я купаюсь в этом, смакую, проговаривая про себя, боюсь только произнести вслух – еще не исчезло чувство стыда. Счастье мое и боль, любовь моя и тоска, страсть, не знающая удержу и страх, не знающий причины! Для тебя – все, что делаю, все, что думаю, все, что НЕ делаю! Ну, ЧТО ты хочешь?!

Как страшно, что моя любовь, мой запас нежности и ласки оказались никому, понимаешь – НИ-КО-МУ! – не нужны! И, чтобы выжить, я по крохам, по крупичкам собираю те слова, те улыбки, те ласки, которые ты разбросал за это время – за секунду вместе, за вечность вместе...

Боже мой, откуда ты свалился на мою несчастную голову?!

Представляю, как ты бесишься, читая этот пьяный бред! Но это – единственное, что мне осталось: разговор с самой собой, один на один, откровенно и жестоко, ведь это говорю я – СЕБЕ. И некому контролировать ситуацию...

Рогатка

Еду домой после спектакля Виктюка...

С другим выражением глаз, с другим выражением лица.

С другими мыслями...

В ушах – Mercury, в горле – комок, в глазах – слезы, в сердце – тоска...

Хотелось прижаться щекой к роскошному торсу молодого актера, хотелось припасть губами к руке главного героя. Хотелось заглянуть в душу самому режиссеру...

Кто еще плакал в зале? Кого еще захватила сомнительная проблема мужской любви?..

И уже не лезет в горло любимый куриный суп. В лучшем случае – чай. И домашняя пустопорожняя суэта раздражает больше обычного. Разбавляю сжатость сердца двадцатиградусной ананасовой «парфюмерией» и, преодолевая традиционную бытовуху невероятными усилиями, реагирую почти адекватно.

Но – в ушах – Mercury, в горле – комок...

Хочется любить и страдать.

Хочется понять и суметь.

Сделать такое что-то – как в двадцать. Но с опытом сорока.

Хочется еще раз пережить, перечувствовать, пересмотреть и переплакать.

Хочется инъекции страсти, силы и веры. На три, пять, семь дней...

Все кажется пустым и мелким. И не страшно, почти в полночь, по безлюдной улице. У меня прививка от напастей. На сегодня. На три, пять, семь дней...

Только бы не сбить, не смешать, не нейтрализовать по ходу жизни!

Объявляю войну обыденности! Завтра же строю себе такие же – пусть шаткие и однодневные – декорации! И буду прорывать гремящую бумагу собственным телом! И буду раскачивать одиноко висящую лампочку! И взлетать на качелях жизни и страсти!..

Хочу соответствовать и совпадать! Мой мир – мой круг. По радиусу пропускаю внутрь редкие импульсы. Подпитываюсь. Расту. Но не ввысь, а вглубь. Кто-то может напиться. А кто-то и плюнет. И, прикинув ухом, послушает – есть ли эхо...

Хочу заработать много денег. На цветы. Чтобы подарить их. Не за пьесу. Не за игру. За чувства. За мои чувства. Возрожденные.... Спасибо...

Хотя сегодня я ими никого не одарила и не порадовала. И ни к чему не по-будила. И не про-будила. И не воз-будила. Замкнула на себе, отвоевав кусочек света у затараканенной темноты. Сцены и жизни...

А завтра – отшлифую шероховатости и сглажу углы сбалансированным и благородным, возвышенным и беспро-

блемным звучанием симфонического оркестра. Унесусь от житейского, убаюкаюсь гармонией, заглушу Mercury Моцартом и впаду в полусонное, размеренное, до тошноты привычное состояние сформулированной мудрости и закамуфлированной печали...

Те же лица и голоса, те же мысли и слова, те же фразы и жесты, те же звуки и песни.

Закольцованность жизни, дней и месяцев, формулы дат и цен, телефонных номеров и обменного курса. Обменяйте меня!

Пересчитайте годы два к одному! Я отработаю! Отдам вдвойне! Даю гарантию банка проб и ошибок! Здесь – без обмана...

...Сижу на первом ряду, упираясь коленками в занозистую, неухоженную сцену. Смотрю прямо в глаза актерам, ощущаю биение их сердец, вижу испарину на их телах. И верю им! И думаю о своем семнадцатилетнем сыне, которого тоже может полюбить инвалид в возрасте Христа!..

...Кто еще плакал в зале?...

Кто написал пьесу – не важно. Важно – кто прочувствовал. Кто осмелился прочувствовать.

А кто услышал? Кто не побоялся любви?

Не важно – кто кого. И как. И, тем более, почему.

Кто готов броситься в небытие? Кто прокричит в пустоту имя любимого?

Женщины здесь ни при чем...

...Ну, кто еще плакал в зале?...

Фантазия для голоса со слезами

Начиналось всё тогда, когда батон белого стоил 13 копеек, а один километр на такси – 20; когда в 21.00 по телевизору показывали программу «Время» с музыкой Свиридова, а по периферийным клубам – фильмы Тарковского; тогда, когда у магазина «Власта» на Ленинском проспекте старушки и проститутки втихаря продавали косметику и хрусталь, и в нашей стране еще не было мафии и секса...

Закончилось – условно – через 12 лет, когда в своей очередной книге Эдичка уже заклеимил и развенчал «сына юриста»; тогда, когда в результате телефонного опроса общественного мнения можно было сделать вывод, что среди безработных менеджеров с высшим музыкальным образованием в возрастной группе от 35 до 50 лет и доходом до 100 тысяч рублей на одного члена семьи, самой скандальной фигурой в телепрограммах предыдущей недели считается генерал Лебедь; тогда, когда на собственную стрижку и укладку (в парикмахерской) зарабатывалось за 4 часа – стрижкой чужой непослушной собаки тупыми ножницами...

... – Здравствуйте! Пожалуйста, до метро...

Ныряю в такси. Звонко хлопает дверца. Усаживаюсь на заднее сиденье и смотрю на часы: успею. Водитель хмуро буркнул что-то в ответ, недовольно посмотрел на меня в зеркало, включил счётчик – поехали.

Как всегда, опаздываю. Но сегодня, честно, подвел транспорт. Надо же – троллейбусы исчезли среди бела дня! Да это и к лучшему: можно сосредоточиться, спокойно всё обдумать, если, конечно, таксист не будет чересчур разговорчивым. Мне повезло: он оказался именно таким (хотя мог бы быть и чуточку дружелюбнее!).

Светофор. Справа – Новодевичий монастырь. Последний раз я там была девять лет назад – прибежала на свидание со своим теперешним мужем и с упоением пересказывала ему первую в том учебном году лекцию по философии. Сейчас вспоминаю – он слушал невнимательно и, кажется, не разделял моего восторга.

Почему я тогда этого не заметила? Мы медленно проходили мимо памятников, надгробных плит, с каким-то благоговейным трепетом рассматривали их, читали надписи и целовались украдкой.

Метро. Таксист брезгливо сунул металлический рубль в карман и опять посмотрел на меня в зеркало. Но я уже спускаюсь по ступенькам в подземный переход и вливаюсь в толпу беспорядочно снующих людей. Вижу всех и – никого. Иногда взгляд выловит из людской массы чье-то лицо и на секунду задержится на нём, но и то лишь потому, что прежде, чем я успеваю это заметить, кто-то тоже смотрит на меня.

В вагоне не сажусь: ехать одну остановку. Не читаю, так как книгу постоянно, как будто нарочно, выбивают из рук.

Упорно смотрю на плотную чёрную резину дверей – боюсь увидеть свое отражение в стекле, а то опять расстроюсь.

Скоро тридцать... В зеркало смотрюсь всё реже: все равно ничего не изменишь. Никакая косметика не скроет выражения тоски на лице. И особенно это заметно в праздники, когда, желая хоть немного выделить этот день из обычных сутеливых будней, стараюсь придать своему лицу более яркие оттенки, которые, к сожалению, еще больше подчёркивают и обнажают всю безвыходность положения. И грустно-задумчивый взгляд не скрыть за обрамлением синих теней! Сейчас модны жёлтые или золотистые – пробовала: эффект нулевой...

На улице снова попадаю в водоворот людей и машин. Пытаюсь сосредоточиться на переходе, так как уже не один раз водители резко, с визгом затормозив, выскакивали из машин и, размахивая руками, выкрикивали известные им одним словесные комбинации, которые явно относились ко мне. Но я была уже на недостижимом расстоянии и не могла по достоинству оценить их изобретательность.

Бегу. Сегодня опаздывать нельзя: целый отряд «проверяющих», сформированный из наиболее уважаемых работников отдела кадров и нашей редакционной администрации, в угрожающих позах стоит у входных дверей, и каждый из них готов безжалостно занести твою фамилию в «чёрный» список недисциплинированных.

Врываюсь в здание с первым сигналом, предательски раз-

дающимися из маленького радиоприемника, стоящего на столике у милицейского поста, пробегаю мимо всех этих «уполномоченных», и спасительные двери лифта скрывают меня от их, полных недоумения, взглядов.

Четвёртый этаж. Длинный коридор... Два года назад я пришла сюда в первый раз. Сидела в комнате секретаря, выслушивала наставления и отвечала на вопросы, чувствуя себя не очень уютно под её колючим, сверлящим взглядом. Постоянно отвлекала мысль: «До чего же она похожа на свекровь! И причёска, и комплекция, и этот поучительный тон!» Видимо, именно это сходство и стало причиной моего нерасположения к ней. Беру со стола бланки, на одном из которых жирно-чёрным шрифтом написано «Анкета», на другом, многозначительно – «Автобиография». Прошу разрешения у женщины с комплекцией свекрови взять их домой и обещаю привезти заполненными на следующий день...

ФАМИЛИЯ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО... Я уже давно не ошибаюсь и не называю, и не пишу свою девичью фамилию. Как же были родители против моего замужества! Понять их состояние – ужас, недоумение, отчаяние, почти ненависть к будущему зятю – я смогла только спустя несколько лет. Да, они были справедливы и ясновидящи в своих прогнозах, оценках и суждениях, подчас резких, доводивших меня до слёз и до безумных мыслей – уйти из дома. Куда? Не важно. Лишь бы вместе с ним. Именно в эти дни – в период бурных ссор, эмоциональных возгласов, убеждений, логических доводов, вза-

имных обид и слёз – произошел какой-то надлом в моих взаимоотношениях с ними. Мы жили вместе, в одной квартире, но шли по разным сторонам дороги. Наше общение свелось к минимуму и перестало быть необходимым. Но у меня была поддержка – любовь, а у них – никакой. И им было труднее. И даже теперь, через столько лет, мы не можем забыть нанесённых друг другу ран. И это состояние отдалённости укрепилось и стало нормой. Родители почти привыкли к моему состоянию какой-то внутренней настороженности, готовности к отпору (как в былые времена), духовной замкнутости, граничащей с безразличием ко всему, и грустной озабоченности. Поэтому им показалось невероятным то, что они увидели и услышали недавно: я запела. Они не узнавали свою дочь, но и не задавали никаких вопросов – наверное, не надеялись услышать правдивого ответа. Как бы там ни было, а я была счастлива. Так, как давно уже не была. Я полностью растворилась в своих чувствах и ощущениях, заполнила ими все вокруг и негласно объявила этот мир своим. Только своим. Ничто не могло и никто не имел права вторгнуться в него. Что это было? Любовь, влюблённость, состояние внутреннего покоя? Я боялась поверить в то, что произошло. Постоянно вспоминались, и не просто вспоминались, а звучали обращенные ко мне слова, которые буквально окрылили меня. И не было места разъедающим душу сомнениям, неуверенности. Они появились позже. Слишком уж неправдоподобно-счастливо все складывалось, и по всем

злым законам судьбы это не могло продолжаться долго. Но в те солнечные летние дни, когда всё мое существо наполнилось этим солнцем и теплом, я ожила. И даже в зеркале я увидела другую себя. Ну и что ж, что скоро тридцать? Зато у меня «сумасшедшие» глаза! И во мне увидели женщину, которая должна быть не только домашней хозяйкой. В меня вдохнули и любовь к жизни, и интерес к ней, и уверенность в своих силах и способностях. И не это самое главное: просто мне сказали, что меня любят!..

ГОД, ЧИСЛО, МЕСЯЦ РОЖДЕНИЯ... Почему-то день рождения – мой самый любимый день. Я жду его с детским нетерпением и даже любопытством. Жду от него чего-то необычайного! Последние три года муж забывал об этом дне, ничего не дарил. И лишь вечером, после работы, привозил букет цветов и бутылку вина. Как любовнице. Однажды был очень обижен, когда я не выразила радости, получив от него в подарок французский коньяк: «Ты же знаешь, что я не люблю крепкие напитки». Но особенно грустно бывает, когда, сидя за столом, в кругу семьи, кто-нибудь из родителей произносит тост за мое счастье. Бокал традиционного шампанского дрожит в моей руке, с трудом сдерживаю готовые политься из глаз слезы, улыбаюсь, вернее, пытаюсь изобразить улыбку, и молча киваю в знак благодарности, т.к. боюсь, что не смогу произнести ни одного слова, не расплакавшись. Так и проходят, летят мои дни рождения – без гостей, без радости, без песен, музыки, танцев, которые я так люблю, без

подарков и без любви. Только один раз я решила нарушить этот обычай, пригласив малознакомых и совсем не близких мне людей в ресторан. Но затея не оправдала моих ожиданий: просто я перенесла свою печаль, тоску и боль из уютной квартиры в полумрак и грохот зала фешенебельного ресторана. . . На следующий день я подала заявление на развод. Но, по непонятной для меня причине, муж не согласился на это, и по сей день мы вместе. И по сей день – каждый сам по себе. Вдвоем – в одиночестве. Стараюсь уйти, убежать от этого одиночества, но оно прочно сковало меня, опутало своими сетями, и напоминает о себе повсюду и постоянно. Читаю, читаю, читаю – забываюсь, вздрагиваю от телефонного звонка и – возвращаюсь в реальность. Впечатления от прочитанного, увиденного, от общения с людьми, мои личные проблемы, соображения, ощущения буквально разрывают меня изнутри. Накапливаются вопросы, которые необходимо разрешить, самые разные: от бытового – где взять деньги сыну на куртку, и до таких, которые решить не в состоянии не только я одна, а над которыми ломают головы люди, занимающиеся ими по долгу службы. Возникают вопросы, на которые я хочу услышать если не конкретный ответ, то, хотя бы встретить какую-то заинтересованность. Но говорить не с кем: ребёнок мал, близких друзей нет, новые подруги заняты своими проблемами, мужу не интересно. Тот круг тем, которые волнуют его, замкнулся на его работе, в лучшем случае – на том, есть ли в доме то, как он считает, необходимое, без чего он

не чувствует себя спокойно и комфортно. Иногда беседуем с ним о ценах. Иногда о преимуществах «Крумара» перед «Ямахой». Реже делимся впечатлениями о просмотренном вместе фильме. Никогда – о книгах. А главное – никогда о нас. Только во время ссор, когда каждый пытается обвинить «противника» и оправдать себя, объясняя свои поступки и слова тем, что раньше ты такой (таким) не была (не был)... Но так и пишу: СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ – замужем.

ДЕТИ... Сын. Тоже носит фамилию мужа. И с каждым днём все больше становится на него похож. Странно. Ведь он почти не видит отца. Почти не нуждается в нём, не требует к себе его внимания. Но гены сделали своё дело... Спит. Длинные ресницы, безмятежная поза. И улыбается чему-то во сне... В тот день, когда он должен был появиться на свет, я проснулась с радостным предчувствием этого события. Без страха, с ощущением внутреннего покоя, с гордостью, с полной готовностью перенести все обещанные врачами муки. Но, лёжа в коридоре на жёсткой и узкой больничной кровати, сбрасывая одеяло и впиваясь зубами в подушку, помня о том, что будущий папа остался лежать дома с гриппом, а за дверью падает без чувств моя мать, я просила сердобольную няню только об одном: «Уведите её отсюда!» И уже не осталось сил... Кислород. Как в тумане – лица врача и сестёр. И первый крик моего ребенка. Сын! И слёзы счастья. Забыла обо всём на свете, кроме этого существа!.. А сейчас мучают угрызения совести, что слишком мало уделяю вни-

мания своему сыну, не столько, сколько бы могла. Слишком часто срываюсь и все свои обиды переношу на этого, ни в чем не повинного человечка, слишком часто отмахиваюсь – «подожди, мне некогда!» Но ведь потерянных дней и минут не вернёшь. Как же надо дорожить этими моментами общения с ребёнком, когда он бежит к тебе с вопросом, или с каким-нибудь по-детски важным сообщением! Когда я думаю об этом, что отнимаю у него частицу радости, зарываясь в своих бесконечных делах и заботах, отвлекаюсь и переключаюсь мысленно на свои проблемы даже в редкие часы совместных игр – до боли сжимается сердце! И можно требовать у Бога любую кару для себя! Что может быть в жизни более священно, дорого и важно, бесценно и необходимо, чем ребёнок? И ничто – ни заботы о его здоровье, ни бессонные ночи, ни горы наглаженных рубашечек – ничто не искупает моей вины перед ним! Прости меня, сын! Иногда хочется броситься перед ним на колени, уткнуться лицом в его тёплое, душистое тельце и разрыдаться, и объяснить ему все, и покаяться!..

Живу в заданном режиме, который запрограммирован неизвестно кем. Скорее всего, моим мужем. Многие стала делать автоматически, без души. Живу и действую под лозунгом «Успеть!». Успеть накормить, успеть подать, убрать, помыть, погулять, постирать, успеть сдать, забрать, опять накормить, опять помыть, успеть в поликлинику, в школу, в химчистку, в сберкассу, успеть позвонить, купить, прово-

дить, загнать – успеть, успеть, успеть!..

Опять поспорились... И, как обычно, после бурных объяснений и взаимных обид, муж не даёт денег. Пока выручают «комиссионки» и букинистический – нот и книг по музыке ещё много (всё равно не работаю по специальности). А вот платье, туфель и кофт почти не осталось. Разве что, вот этот серый свитер? Думаю, рублей пятнадцать дадут. Беру, несу, стою час в очереди, оценивают: «Рублей десять. Будете сдавать?» Секунда на размышление и неуверенное: «Буду». Паспорт, квитанция, подпись сдатчика... И вот мой любимый, бедный, никому не нужный свитер висит уже третью неделю! А я третью неделю жду свои десять рублей минус семь процентов комиссионных. Но выход есть: достаю самый толстый клавир – «Валькирию» Вагнера – и на Неглинку. Десять рублей шестьдесят копеек – тот же свитер! Но деньги сразу. На обратном пути с пустой, лёгкой сумкой захожу в магазины. И везу домой на три рубля продуктов, на два – сигарет и на три остальные – югославский шампунь. И так – почти систематически – раз в месяц произвожу переоценку ценностей: то, что месяц-два назад бережно откладывалось в сторону – жалко! – сегодня бесцеремонно, сурово-решительно достаётся из ящиков, с полок и укладывается в сумки побольше размером. Не забыть бы паспорт! И успеть бы до обеда!..

Чего я хочу? Миллион раз я задавала себе этот вопрос – и не могла ответить на него. Иногда, казалось бы, ничего не

значащая мелочь влечёт за собой бурный поток мыслей, в корне противоположных тем, что были минуту назад. Эти колебания моего настроения подчас доводят просто до изнеможения! А порой лишают и здравого смысла. Сегодня я монахиня, завтра – распутница!

Сегодня я хочу одеться во все чёрное, гладко причесать волосы, выбросить все лаки, кремы, пудры, джинсы, навсегда отказаться от «марлёвок» и кроссовок, вести «правильный» и «праведный» образ жизни, посвятить всю себя семье, быть покорной, тихой, всем и всё прощать, отречься от светских развлечений, полностью избавиться от кабалы мирских соблазнов, забыть про плотскую любовь и с полной самоотдачей погрузиться в священные обязанности жены и матери. Всё! МЕНЯ больше нет! Я отчётливо представляю себя в этой роли, начинаю себя уважать и проливаю слезу умиления... А завтра – «Чёрт возьми! Мне же еще нет и тридцати!» Долой чёрное одеяние! Да здравствует полноценная жизнь со всеми её радостями, развлечениями, соблазнами, рискованными ситуациями! Хочу носить «бананы»! Хочу с ног до головы вымазаться перламутровым блеском! Хочу посмотреть все фильмы ужасов! Хочу иметь любовника! Хочу напиться в шикарном ресторане и уехать с первым понравившимся мужчиной на серебристом «Понтиаке» на загородную виллу с розовой ванной и спальней в стиле Людовика XIII! Хочу всё! К дьяволу мужа! К родителям ребенка! За одну минуту проживаю несколько, полных приключений

жизней – и... умираю от нахлынувших на меня эмоций. И опять – МЕНЯ больше нет... Кто я? Что я? И зачем я? Дурра, сумасшедшая, закомплексованная идиотка, хроническая неудачница? Кто?! Бог един в трёх лицах. А сколько их у меня? И есть ли хоть одно?..

ОБРАЗОВАНИЕ... Несколько лет назад окончила ВУЗ. Отличный диплом тянул на аспирантуру. Кто-то из членов Госкомиссии даже заинтересовался им настолько, что попросил разрешения использовать кое-что из моих «открытий» в своей докторской. Как далеко всё это ушло! Сейчас я осознаю, что годы учёбы прошли довольно бездарно: вначале делила время между семинарами и свиданиями, потом – между лекциями и мужем, а в период госэкзаменов – между библиотекой и ребёнком. Конечно, я не воспользовалась возможностью и не получила ту бездну знаний, которая предполагалась в моем ВУЗе. Что-то хватала на лету, избирательно подходила к рекомендуемой литературе. Зато слушала море музыки! И это постоянно спасало меня, так как о ней-то я могла рассказывать и не читая бесконечных измышлений десятков теоретиков. Не было случая, чтобы преподаватели оценили мои знания ниже, чем на «хорошо», и все курсы я так и прошла в ряду хороших студентов. Через месяц после защиты диплома по рекомендации декана попала на престижную работу. На такую, о которой мечтала. На такую, где, при желании и удачном стечении обстоятельств, моё имя могло стать известно всему Советскому Союзу. Проработала

два года. Не выдержала: то, что хотела делать – не могла, не давали. А то, что заставляли – не любила и не хотела. Часто подводило откровенно высказанное мнение, которое не всегда приятно слушать, особенно начальству. Видела больше, чем должна была. И не хотела стать противной самой себе. Слишком много лжи, хитрости, уловок, лицемерия, а порой откровенной тупости и упрямства окружало меня. Бессмысленно было биться головой об стенку. Я не боец. Я ушла. Пусть там всё остаётся по-прежнему, но уже без меня. Я в эту игру не играю...

И вот три месяца домашней жизни. Уже готова повесить на шею табличку «Ищу любимую работу». Но мой вариант очень напоминает сказку «Пойди туда – не знаю куда»... Обидно. Где, кому и чем я могу быть полезна? Иногда мне кажется, что я могу очень многое. Часто хочется совсем иначе сделать то, что делают другие (и в этот момент я уверена, что я это смогу гораздо лучше: будь то артист на сцене или танцор, художник, композитор или певец, и даже – писатель). Просто бывают такие минуты, когда я ощущаю в себе какие-то внутренние силы, которым нет выхода. Они буквально рвутся наружу, но я усилием воли загоняю их как можно глубже: не мне судить и менять...

Психологи считают, что тот возрастной период, в котором нахожусь сейчас я, то есть на рубеже тридцатилетия, характеризуется состоянием психической неустойчивости и опасен тем, что эта постоянная жизнь не в ладу с самим собой

может привести к нервным расстройствам типа депрессии, различных психозов, а порой и к шизофрении. Мне иногда кажется, что я уже на грани одного из них – настолько сильны во мне ощущения безысходности, ненужности, неспособности что-то изменить в своей жизни. Я забыла, что такое приподнятое настроение, чувство удовлетворённости, спокойные, без кошмаров, сны. Состояние гнетущей тоски, подавленности в сочетании с желанием положиться на «волю Божью» – вот мой сегодняшний облик. Хоть бы разрядиться, побить посуду что ли? Разрыдаться? Но уже нет слёз. Весь запас исчерпан досрочно...

На похоронах бабушки слёз тоже не было. Они были внутри меня, разлились по жилкам и суставам, затопили горечью сердце. Вот и ещё одна ниточка, связывающая меня с миром, оборвалась... «Отпускаю все грехи твои ...» – раздалось эхом в моём сознании.

Очнулась – священник в изголовье гроба быстро и неразборчиво произносил какие-то слова и молитвы отпевания. Горели свечи, до головокружения пахло ладаном, в полумраке лица родных казались изваяниями. «Отпускаю все грехи твои ...» Она прожила трудную и почти безрадостную жизнь: рано похоронила мужа, рано проводила из дома сына и жила тихо и неназойливо одна, писала письма, воспоминания, была в курсе всех событий и ни от кого не требовала ни забот, ни даже внимания. Своей жизнью она уже «отпустила» все свои грехи...

И опять задумываюсь над тем, что только после того, как потеряешь человека, начинаешь думать о том, что слишком мало ласки, тепла отдавалось ему, упрекать и запоздало обвинять себя в невольной грубости, а подчас и равнодушии. Но такое самобичевание уже бессмысленно: это всего лишь горький урок. И как ничтожны все попытки «устроить» свою жизнь, обзавестись «нужными» людьми и престижными вещами, желания «обогатиться» знаниями и опытом – по сравнению с жизнью человека! Хочется выйти на улицу и закричать: «Знайте и помните мудрый древний завет – живите так, чтобы доставлять другим радость!» Если бы эта мудрость вошла в плоть и кровь каждого – не было бы таких горьких слёз, такого душераздирающего крика отчаяния на могилах: каждый мог бы хоть немного утешить себя тем, что сделал всё от него зависящее, отдал всего себя тому, кого уже не вернёшь...

Был такой период в моей жизни, когда мне постоянно хотелось побыть одной – никого не видеть и не слышать, изолироваться от внешнего мира, сесть в пустой комнате и раствориться в музыке. Обязательно должна звучать музыка! Целительный эликсир гармоний и тембров способен творить чудеса! Сочетания звуков, их окраска могут не только вызвать какие-то воспоминания, ассоциации, но и помогут ответить на мучительно-неразрешимые вопросы, направив успокоенную мысль по нужному руслу, обратятся к чувствам, проникнут в неведомые глубины подсознания, интуиции. Такие

встречи с музыкой были мне необходимы и обычно заканчивались обещаниями самой себе начать «новую» жизнь и очищающими сладостными слезами. Но я возвращалась из грёз и небытия в пёстрый и шумный многоголосый мир с его трудностями, тревогами, заботами, обязательствами, с его напором, настойчивыми требованиями, условностями. И этот вихрь стирал в памяти то, что ещё недавно казалось святым и неприкосновенным. Мир этот разоблачал, насмехался, унижал, приказывал и отрезвлял: «О какой новой жизни ты мечтала? Ты поставлена в определенные условия, так принимай и выполняй их!» И я пытаюсь принимать, стараюсь выполнять, но – снова и снова жду свидания с музыкой...

КАКИМИ ИНОСТРАННЫМИ ЯЗЫКАМИ ВЛАДЕЕТЕ... В школьные годы читала английскую детскую литературу в подлиннике, но со словарём. На бытовые темы говорила свободно. Моих знаний английского и словарного запаса хватило до окончания ВУЗа. Экзамен сдала экстерном и с тех пор не брала в руки ни одного текста... Однажды, вскоре после возвращения мамы из Калифорнии, я ехала в электричке, и какая-то тётка уж очень заинтересовалась значком Лос-Анджелесского Университета, приколотым к моей куртке. С важным видом я поделилась с ней (естественно, от первого лица!) своими впечатлениями об Америке, об учёбе в Университете, об образе жизни американцев, особенно подробно рассказала о сервисе, ценах и искусстве (вплоть до всех театральных премьер, на которых мне «посчастливи-

лось присутствовать»), затем – о работе в «Интуристе» (её мне якобы предложили сразу по окончании обучения). Тётка слушала, затаив дыхание! После чего от неё поступило недвусмысленное и очень, по её мнению, «лестное» для меня предложение – познакомиться с её сыном, кандидатом наук (вот только каких – не сказала!). Дело принимало серьёзный оборот. Тогда я назвала ей первый пришедший в голову номер телефона и выскочила на ближайшей станции...

Через несколько лет случилось так, что знание языка очень помогло в осуществлении заветной мечты: петь на сцене. Не важно на какой, но – петь!

В качестве пробы предложили за три дня выучить около двадцати песен на английском. Пожалуйста! Никаких проблем! Через неделю – грим, шикарное платье с декольте, микрофон в чуть дрожащей влажной руке, яркий свет в глаза, вступление и – я пою! Слышу свой голос в стократном усилении, понимаю, что его слышат и десятки желающих повеселиться людей, вижу их лица чуть выше уровня сцены и забываю обо всём на свете! Сливаюсь с ритмом, растворяюсь в гармониях песен Ямайки! И такое счастье – каждый вечер! Каждый вечер – праздник! А днём – ожидание праздника! Не верила, что это может кончиться! Но – увы! – через несколько месяцев кому-то пришлось в голову оставить в этом коллективе людей, не имеющих высшего музыкального образования. А я к этой категории не относилась. Ещё одна маленькая трагедия: знала, что повторения быть не может.

Ну что ж! Укладываю спать ребёнка и еду на работу к мужу. Он тоже – на сцене. Когда поёт – не могу слушать без слёз! Зависть и гордость, печаль и восторг наполняют моё сердце. Сажусь в дальний угол, беру чашку кофе, бутылку минеральной воды – и слушаю... Вижу его одного, не замечая ни прыгающей у сцены толпы, ни спящих между столиками официантов, ни повеселевших юнцов, которые норовят подсесть ко мне и завести обычный ресторанный флирт. Сегодня он поёт для меня – мои любимые песни. И все популярные певцы, все модные любимцы публики – это всё он один. МОЙ МУЖ!... И ни одна душа в зале не знает, что он – МОЙ, а я – ЕГО, и что поёт он только для меня... Зажигается верхний свет, пустеет зал, нехотя бредут к выходу захмелевшие завсегдатаи, музыканты уносят со сцены инструменты, с кухни слышится резкий звон посуды – рабочий день закончен. Мы садимся в такси и едем по почти пустым улицам, через всю Москву, домой. Он устал, я – счастлива. Курим одну на двоих сигарету. Молчим. Одна-две фразы за всю дорогу: «Ну, как сегодня «итальяно» прозвучали?» – «Здорово! Только барабаны надо потише сделать». – «Я тоже говорил, что баланса нет, и колонки надо развернуть ...» Сколько было таких вечеров и ночей! Роскошно обставленные залы, высокие потолки, белоснежные накрахмаленные скатерти, «отборная» публика из Центра и невзрачные одноэтажные домики, медвежьи шкуры на стенах, слабое мерцание разноцветных фонарей над столиками, случайно зашед-

шие посетители – всё слилось в одну длинную, бесконечную, прекрасную ночь, полную любви и музыки, тайны и волнения, ревности и гордости, страха и уверенности, удивления и узнавания – ночь! Я не знала, да и не хотела ничего другого. Днём – ожидание праздника, ночью – праздник!..

Ночь... По стёклам и подоконнику барабанит дождь... Включаю свет – четыре часа. Потеряв всякую надежду на сон, встаю, иду на кухню и принимаюсь за дела, запланированные на завтра. Попутно пью крепкий кофе и читаю. Тишина. Часы тикают вдвое громче обычного. Стучит в висках. И все звуки кажутся растянутыми во времени. Как в бреду. В детстве я часто болела, всегда с высокой температурой, и в полусне постоянно видела одну и ту же картину – железный забор из толстых прутьев. За ним яркий свет и человек, который зовёт меня туда. Я собираюсь перелезть через этот забор или протиснуться между прутьев, но руки и ноги – словно ватные, все движения замедленные, раздражает звучание одной очень высокой ноты, но всё же я с огромным трудом преодолеваю расстояние до забора, а он – тает у меня на глазах, плавится, словно стеариновая свеча, а за ним – темнота. И никого... Больше всего на свете я боялась, закрыв глаза, снова увидеть этот сон! До сих пор самое страшное для меня во сне – это ощущение неподвластного себе тела и неспособности что-либо изменить в ходе событий...

Как долго тянется осенняя ночь! Какими далёкими кажутся события вчерашнего дня! Сколько раз в этой верени-

це бессонных ночей я снимала телефонную трубку и нерешительно набирала номер разрекламированной на все лады «душеспасительной» «Службы доверия»! Но что-то в последний момент останавливало меня и убивало веру в её всемогущество...

Новый день – чистая страница. Пиши, делай биографию. Твори чудеса своими руками, строй мир радости и чудес для себя и других, пой вечную мелодию жизни! А что я могу? Всё и – ничего! Могу быть до слёз веселой, до глупости доверчивой, до неожиданности пронизательной, любящей – до истерики, увлечённой – до самозабвения. Растворяюсь в своих чувствах, эмоциях, впечатлениях, наполняюсь и живу ими, будучи не в силах отогнать, отрешиться, забыть. Они настойчиво, самоуверенно и беспощадно вовлекают меня в свой бешеный круговорот, опутывают паутиной мыслей, парализуют здравый смысл, ум и волю. И, находясь во власти, в плену этих впечатлений или желаний, навязчивой мечты-идеи, не узнаю себя: могу разрыдаться от одной прочитанной строчки, услышанной фразы, где есть хоть сколько-нибудь отдалённое напоминание о том, что мне близко, и в то же время – остаться равнодушной к плачу ребенка; могу выполнить любую работу с необыкновенной лёгкостью и вдохновением и тут же – не справиться с оторвавшейся пуговицей; могу в лютый мороз бродить часами, бесцельно по улицам – и не почувствовать холода, а, вернувшись в тёплую квартиру – буду замерзать, кутаясь в плед. Где та

зыбкая, неуловимая, невидимая, таинственная, манящая, до боли желанная граница между мечтой и реальностью, желаемым и возможным, надуманным и увиденным, которая дарит необходимое равновесие духа, пусть временное, но – ощущение счастья, пусть редкую, но – уверенность в дне завтрашнем? И кто скажет, как и сколько можно жить – да и можно ли?! – в этом состоянии полусна? Да нет, какой сон?! Подхожу к роялю, осторожно открываю запылившуюся крышку, достаю из дальнего ящика «Вальсы» Шопена, открываю на нужной странице и слышу...как на кухне убегают молоко, со шкворчаньем заливают плиту, и по квартире распространяется едкий, тяжёлый запах... Что может быть реальнее?..

...Будучи еще школьницей, слышала анекдот о том, как в доме для душевнобольных пациенты занимаются вязаньем – вяжут чулки, где через каждые три метра – пятка. Долго смеялась, представляя себе эту картину. Не так давно прочитала книгу известного зарубежного писателя, в которой один из героев, имея определённое количество золота, отливал из него золотых рыбок. И как только золото кончалось (рыбок получалось не больше семнадцати), он опять переплавлял их, сливая массу в общую форму. И снова, без усталости – отливал. Количество рыбок оставалось неизменным – семнадцать. И так без конца, всю жизнь. Уединившись – отливал и – плавил... Мне эта ситуация показалась тогда чересчур надуманной, нереальной. И, конечно же, вспомнились мно-

гометровые чулки из анекдота... И я научилась вязать. Беру клубок и спицы: лицевая, изнаночная, лицевая, изнаночная, мысленно проговариваю про себя, чтобы не сбиться. Сто петель в одном ряду: лицевая, изнаночная, лицевая, изнаночная... Звонит телефон, между плечом и ухом зажимаю трубку и чуть сдавленным голосом беседую с подругой, вернее, не с подругой, а с приятельницей, вернее, не беседую, а выдавливаю из себя отдельные реплики, вынужденно вклиниваясь в её бесконечный монолог. Наконец, она выговорилась, в очередной раз похвалив меня за умение слушать... Лицевая, изнаночная... В форточку с улицы впрыгнул кот, огромный, чёрный, пушистый котище, с ледышками на лапах и на хвосте, процокал по комнате – и ко мне на колени, забыв о еде, занялся клубком. Лицевая, изнаночная – брысь! – лицевая, изнаночная... Закипел чайник, завариваю кофе, выключаю телевизор (хотя строгое напоминание о том, чтобы я не забыла этого сделать – с восклицательным знаком! – появилось уже полчаса назад), и снова: лицевая, изнаночная, лицевая, изнаночная... Два часа ночи. Сын спит, кот спит, я вяжу, муж ещё не вернулся с работы. Почему? Где он? С кем? Чем занят? О чём думает (и думает ли о чём-нибудь, тем более – о ком-нибудь? Наверное, о чём и о ком угодно, только не обо мне)? Завтра вставать в семь. Голова раскалывается, пухнет от обилия неразрешимых вопросов, сомнений и навязчивых подозрений. Господи, как же я ревнива! Что делать? Не пустить домой, в квартиру? Обзвонить приятелей? Или при-

твориться безразличной? Но эту роль я способна выдержать лишь первые пять минут – это не мое амплуа! Ах, если бы не ребёнок в соседней комнате! Прощайте, чашки-тарелки, утюги и магнитофоны! Боже мой, как же я ревнива! Как я, оказывается, его люблю! Нет! Не думать! Лицевая, изнаночная, лицевая – да, моё лицо не украшают слёзы, оно не становится от них светлее, наивнее и привлекательнее, и уж тем более не вызывает жалости. Женщина может позволить себе плакать в присутствии мужа до тридцати, а после – слёзы – коварный враг, который выявляет и подчёркивает всё то, что передумано, перечувствовано и пережито, и то, что старательно скрывается от посторонних глаз необходимой маской настроения и косметикой. Не смей плакать! Лицевая, изнаночная, лицевая, изнаночная – а моя «изнаночная» – это та же ревность, та же любовь, то же постоянное внутреннее волнение: где он? с кем? Почему не видит или не хочет видеть, что есть я, которая ждёт и любит так, верит и безнадежно надеется так, как вряд ли смогла бы любая другая! Какие молитвы? Какие женские хитрости? Господи! Помогите! Изнаночная, лицевая, изнаночная, лицевая – дрожащими руками, под аккомпанемент собственных всхлипываний – ну, вот, уже сбилась! Двадцать, тридцать рядов. Что это будет? Кофта? Шарф? Шапка? Кому? Распускаю без сожаления две-три тысячи петель и начинаю снова: лицевая, изнаночная, лицевая, изнаночная... А клубок всё не кончается. Когда же очередная пятка? Сколько будет «рыбок»? Ли-

цевая, изнаночная, лицевая, изнаночная...

СВЕДЕНИЯ О СЕМЬЕ: БРАТЬЯ, СЁСТРЫ, МУЖ... До сих пор постоянно ощущается острая потребность в близком и родном человеке. С раннего возраста, сколько помню себя, периодически задавала родителям провокационный вопрос насчёт сестрёнки. До определённого времени они отговаривались тем, что дети стоят дорого и на второго ребёнка у них нет денег. Тогда со своим обычным упорством я решила им помочь: по 5-10 копеек, а иногда и по рублю, в будни и в праздники выклянчивала якобы на большую куклу, которая ходит, закрывает глаза и говорит «мама» – предел мечтаний пятилетней девчонки! Все сбережения хранились в тщательно спрятанной коробочке из-под маминых духов. И вот однажды представился случай купить малыша «подешевле»: гулявшая во дворе старушка с коляской, в которой мирно спал грудной младенец, заметив моё восхищение и устав от моих вопросов, сказала, что с удовольствием это «чудо» кому-нибудь бы отдала, так как от него «ни сна, ни покоя». Я не поверила своим ушам и сразу же представила себе это сокровище у себя в доме, но, посчитав неудобным взять его бесплатно, предложила доброй бабуле за ребёнка что-то около десяти рублей – всё, что было у меня. Та засмеялась (я так и не поняла, над чем, думала, что она была просто рада такой неожиданной удаче), а я, сметая всё на своём пути, бросилась домой. Раскидывая игрушки в стороны, достала заветную коробочку, высыпала звонкую мелочь в карман, зажа-

ла в кулачке рубли и, крича своей бабушке о том, что бегу «покупать ребёночка у старушки», пулей вылетела во двор. За мной, совсем сбитая с толку, поспешила моя бабушка... Через несколько минут, ревушая, шмыгая носом, размазывая по лицу слезы, спотыкаясь и не желая ничего слушать, я шла домой. Кажется, это было первое настоящее горе в моей жизни: старушка «передумала»...

И позже, отчаявшись, потеряв всякую надежду на появление сестрёнки или, на худой конец, братика, я решила, что у меня, когда вырасту, будет как минимум двое детей. Я-то уж не допущу, чтобы мой ребёнок страдал от одиночества!.. С появлением сына планы насчёт второго ребенка отодвинулись на неопределённый срок, но для себя я установила: до тридцати. А теперь уже, видно, мне надо и это, казалось бы, вполне естественное, природой предусмотренное, женское стремление, выбросить из головы. Я ведь одинока в своем желании: муж боится дополнительных обязанностей, хлопот, беспокойных ночей, которые, несомненно, не могут не коснуться и его, хотя бы потому, что все мы сосуществуем под одной крышей. А я боюсь, что, взяв всё только на себя, мне будет морально не под силу вынести то, что, имея рядом не просто мужа, но и отца, допустим, двоих детей, мне тогда совсем придётся забыть о том, что я женщина, жена, заботливая и ласковая мать. А откуда брать силы на заботу и ласку, из каких источников, если они все уже высохли, долгие месяцы не имея живительной для них любви, нежности, лас-

ки, тепла и всего того, без чего немислимы любовь, семья, счастье? Почему и за что лишена я их? За какие проступки и прегрешения? Если только мой грех в моей сумасшедшей, но теперь уже ничем не объяснимой и ни для кого не понятной, любви к мужу? Я твёрдо знаю, что мне дан природой (или Богом) запас таких сильных и глубоких, необъятных, неизбывных чувств, что хватило бы с избытком на всю жизнь! И, направив их, получив возможность излить их на любимого мной человека и встретив ответное чувство, мои силы удесятерились бы! И так каждый раз, каждый день и час, каждую минуту! И сколько бы было этой любви, какие космические размеры приобрела бы она, и моя нежность, и страсть, и забота, и ласка! И тогда все горячие лучи моего сердца отражённым светом попадали бы на моё дитя, на моего ребёнка. Но весь этот нерастраченный запас любви, не найдя себе места приложения, и неутолённая жажда всё той же любви надломили меня. Природа сыграла со мной злую шутку: наделив – отняла, тем самым – убив. Есть такой афоризм: «Любовь женщины от любви мужчины отличается тем, что женщина любит каждую минуту, а мужчина – в свободное от работы время». В таком случае, моему мужчине можно позавидовать: у него нет свободного от работы времени. Он ею одержим. Мне же достаются жалкие крохи, которые, конечно же, не могут насытить моё изголодавшееся сердце. Со мной можно поговорить о работе, показать плоды своего творчества, попросить совета, помощи, по возможности:

я – лишь коллега, некий бесполоый специалист. Но не женщина. Женщина лишь тогда, когда с меня можно потребовать и получить результаты моего сугубо женского, на его взгляд, труда. А где цветы к Женскому дню, духи ко дню рождения, наконец, просто слова, которые ежедневно могли бы подтверждать мою принадлежность к женскому полу и тем самым утверждать меня, и заряжать, и вдохновлять на этот пресловутый «сугубо женский труд»?! Считается почему-то, что тот, кто много говорит о любви, не любит. Но сочувствие, понимание, забота – об этом можно говорить? Мне – нужно, жизненно необходимо! Иначе я погибну, отравлюсь перегоревшими во мне чувствами! Чересчур жестокая и бессмысленная казнь! Хочу избежать этой гибели, прибегаю к жалким попыткам самоутверждения: аэробика, бассейн, сауна, массажистка, диета, косметика на ползарплаты, аутогенная тренировка – все эти веяния и яркие приметы нашего времени мне под силу. Но лишь тогда, когда я знаю, что всем этим занимаюсь не только для себя, не только для того, чтобы почувствовать себя женщиной, сколько для того, чтобы меня осмыслил как женщину тот ужасный, тот безумный, тот талантливый, тот чёрствый, тот нежный, тот эгоистичный, тот чудесный, тот самовлюблённый, которого я люблю!..

Ничего не хочу, никому и ничему не верю! Не верю комплиментам, удивлению, заинтересованности, сочувствию, искренности советов, желанию помочь, обещанию узнать, дать, показать, достать. В сущности – никому нет дела до

других, тем более – до того, кому чуть хуже или сложнее. Приходят, звонят, спрашивают: «Как дела?» Хочется каждому после «привет» или «здравствуй» сказать: «Я освобождаю тебя от обязанности произносить дежурную фразу «как дела?», давай сразу – про себя». И – «дают». И говорят. Много и увлеченно: «я написал», «я видел», «я ходил», «я сказала», «я достала», «я была», «меня пригласили», «меня познакомили», «похвалили», «подарили» и т.д...

Не верю даже себе. Не верю, что умею, что знаю, помню, не верю, что забуду, что выдержу, что уйду, что прощу, что люблю... Иногда бывает себя так жалко! До слёз...

– Здравствуйте! Пожалуйста, до метро!..